ю

А.Б.Соловьев

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПРИ ДОПРОСЕ

БИБЛИОТЕЧКА СЛЕДОВАТЕЛЯ

«ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

БИБЛИОТЕЧКА
СЛЕДОВАТЕЛЯ

А. Б. Соловьев

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПРИ ДОПРОСЕ

Москва
«Юридическая литература»
1981

67.99(2)93
С60

Соловьев А. Б.

С60 Использование доказательств при допросе.— М.: Юрид. лит., 1981 — 104 с.— /Б-чка следователя/.

В работе рассматриваются процессуальные основания и конкретные методы использования доказательств при допросе. Отдельные разделы посвящены особенностям тактики предъявления уже имеющихся доказательств с целью изобличения допрашиваемого во лжи, устранения добросовестного заблуждения, а также с целью получения развернутых показаний, относящихся к обстоятельствам расследуемого уголовного дела.
Для следователей, дознавателей и прокуроров.

С $\frac{11002\text{-}042}{012(01)\text{-}81}$ 64-81 1203120000 67.99(2)93

Содержание

Введение

Деятельность следователя связана не только с собиранием, проверкой и оценкой доказательств, но и предполагает их использование в ходе расследования уголовных дел как при принятии процессуальных решений, так и при производстве отдельных следственных действий, прежде всего допросов.

Процесс собирания и оценки доказательств достаточно подробно регламентирован уголовно-процессуальным законом. Ему посвящены многие серьезные научные исследования, чего нельзя сказать об использовании доказательств при производстве следственных действий. Эта сторона деятельности следователя не получила полной регламентации в законе и мало освещается в специальной литературе.

Опрос следователей, проведенный в рамках изучения эффективности проведения допросов и очных ставок на предварительном следствии [1], показал, что все они без исключения рассматривают и используют предъявление доказательств в качестве основного тактического приема, направленного на получение от допрашиваемых достоверных показаний. В рамках этого тактического приема следователями назывались такие способы его реализации, как постановка вопросов, основанных на имеющихся доказательствах, упоминание о них при допросе, предъявление (демонстрация) доказательств допрашиваемому. Как считают следователи, наиболее действенным является непосредственное предъявление доказательств. По их мнению, необходимость в использовании доказательств возникает при несоответствии между показаниями определенного лица и имеющимися в деле доказательствами, которое может быть вызвано как добросовестным заблуждением допрашиваемого, так и дачей им ложных показаний. В ряде случаев следователи предъявляют вещественные доказательства, документы и другие источники доказательств с целью получения от допрашиваемых развернутых показаний, относящихся как к этим доказательствам, так и к связанным с ними обстоятельствам уголовного дела.

Вместе с тем изучение уголовных дел, которые расследовались опрошенными следователями. показало.

что они не всегда достаточно четко ориентируются в процессуальных вопросах и особенно в тактике использования доказательств на допросе. Так, при реализации этого тактического приема наиболее распространенными являются такие недостатки, как непредъявление доказательств при их наличии и очевидной к тому необходимости; несвоевременное и неподготовленное тактикой предшествовавшего допроса предъявление доказательств; недостатки в фиксации, включая случаи, когда этот тактический прием вообще не протоколировался, и т. д.

Такое положение не случайно, ибо вопросы использования доказательств при производстве допросов редко рассматриваются в методологической литературе. Хотя сама возможность использования доказательств при допросе не вызывает принципиальных возражений у большинства процессуалистов и криминалистов (Р. С. Белкина, А. Н. Васильева, Л. М. Карнеевой, А. М. Ларина, Н. И. Порубова, А. Р. Ратинова, Н. А. Селиванова и др.), конкретные тактические рекомендации в работах названных авторов обычно не рассматриваются или же излагаются весьма схематично. Они не представляют собой системы тактических рекомендаций по использованию доказательств при допросах свидетелей, потерпевших, подозреваемых и обвиняемых.

В известной мере этот пробел восполнен в содержательном учебном пособии В. С. Комаркова «Тактика допроса» [2], в котором предъявлению доказательств на допросе посвящен специальный раздел и где впервые предпринята попытка систематизировать по различным основаниям тактические приемы предъявления доказательств. Однако и в этой работе некоторые важные аспекты темы, например процессуальные основания и условия использования доказательств, особенности предъявления доказательств на очной ставке, иные, кроме непосредственного предъявления (демонстрации), способы реализации доказательств и т. д., не были предметом специального рассмотрения. Указанные выше обстоятельства предопределили необходимость подготовки настоящего методического пособия для следователей, преимущественно посвященного тактике использования доказательств при допросах свидетелей, потерпевших, подозреваемых и обвиняемых.

1. Понятие, процессуальные основания и цели использования доказательств при допросе

1. Понятие и процессуальные основания использования доказательств при допросе

При определении понятия «использование доказательств при допросе» необходимо исходить из того содержания, которое вкладывается в глагол «использовать» в современном русском языке. В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова это слово употребляется в одном значении — «воспользоваться чем-нибудь, употребить с пользой» [1]. Обращает на себя внимание целевая направленность использования.

Применительно к производству следственных действий использование доказательств является важным фактором, способствующим достижению стоящих перед ними непосредственных задач по собиранию, проверке и оценке доказательств.

Использование доказательств — понятие широкое, собирательное, включающее в себя ряд конкретных действий по реализации имеющихся у следователя доказательств на допросе, в том числе и предъявление доказательств. Использование доказательств не только предполагает их непосредственное предъявление (демонстрацию) [2] в ходе следственного действия, но и включает в себя также другие опосредствованные способы реализации находящейся в распоряжении следователя доказательственной информации, например: постановка вопросов допрашиваемому по имеющимся доказательствам, приведение аргументов, основанных на существовании определенных доказательств, сообщение на допросе об их наличии у следователя, проявление осведомленности следователем в обстоятельствах преступления и т. д.

Таким образом, **использование доказательств при допросе представляет собой тактический прием по реализации находящейся в распоряжении следователя доказательственной информации путем как непосредственного ее предъявления (демонстрации), так и опосредствованными способами ознакомления с ней допрашиваемого с целью изменения ошибочной или ложной позиции, а также получения от него показаний о предъ-**

явленных допрашиваемому доказательствах и связанных с ними обстоятельствах расследуемого уголовного дела [3].

Нельзя согласиться с позицией В. С. Комаркова, рассматривающего предъявление доказательств не в качестве самостоятельного тактического приема, а «как средство реализации тактического приема — изобличения во лжи» [4]. Как известно, изобличение во лжи является целью производства допросов, направленных на получение правдивых показаний от недобросовестных лиц. В ходе этих допросов используются различные тактические приемы, в том числе предъявляются доказательства. Сами же тактические приемы выступают как своего рода средство успешного проведения следственных действий.

Правомерность использования доказательств при допросе определяется рядом условий, вытекающих из предписаний уголовно-процессуального закона. В уголовно-процессуальных кодексах содержатся лишь два указания о возможности использования доказательств при допросе. Так, ст. 77 УПК РСФСР [5] предоставляет обвиняемому право давать показания по предъявленному обвинению, а равно по поводу иных известных ему обстоятельств по уголовному делу и имеющихся в деле доказательств. Указанное положение закона служит основанием для предъявления доказательств на допросе обвиняемого.

Другое основание к использованию доказательств содержится в ст. 141 [1] УПК, предусматривающей возможность воспроизведения звукозаписи показаний при производстве других следственных действий, в том числе допросов свидетелей, потерпевших, подозреваемых и обвиняемых.

Поскольку иных указаний в законе на этот счет не имеется, вопрос о правомерности и условиях, обеспечивающих допустимость использования доказательств при допросе, должен решаться исходя из анализа норм уголовно-процессуального закона. В интересующем нас аспекте прежде всего заслуживают внимания ст. ст. 70 и 71 УПК, устанавливающие порядок собирания и оценки доказательств. Статья 70 УПК обязывает лицо, производящее дознание, следователя, прокурора и суд подвергнуть все собранные по делу доказательства тщательной, всесторонней и объективной проверке. В ст. 71

УПК содержится принципиально важное положение о том, что никакие доказательства для суда, прокурора, следователя и лица, производящего дознание, не имеют заранее установленной силы.

Чтобы правильно оценить значение собранных доказательств и использовать их для принятия процессуальных решений, а также при производстве следственных действий, следователь и суд должны тщательно их исследовать: проанализировать данные об условиях и источнике получения доказательств, сопоставить полученное доказательство с имеющимися в деле материалами, при необходимости провести дополнительные следственные действия, связанные с проверкой и оценкой доказательства. Одним из эффективных методов исследования доказательств, отвечающим предписаниям ст. 70 УПК о необходимости тщательной, всесторонней и объективной их проверки, является предъявление доказательств при допросах свидетелей, потерпевших, подозреваемых и обвиняемых.

Возможность воспроизведения фонограммы, являющейся дополнительным средством фиксации, приложением к протоколу допроса, дает основания для предъявления самого протокола. Поскольку же в процессуальном плане все источники доказательств равноценны и не обладают какими-либо преимуществами по отношению друг к другу, отсутствуют сколько-нибудь существенные различия между предъявлением протокола допроса и других источников доказательств, перечисленных в ч. 2 ст. 69 УПК, то все они могут использоваться при допросе. Поэтому на допросе помимо показаний могут предъявляться вещественные доказательства, заключения экспертов, протоколы различных следственных действий и иные документы.

В ст. 141 УПК, посвященной протоколу следственного действия, указывается, что к протоколу прилагаются фотографические негативы и снимки, киноленты, диапозитивы, фонограммы допроса, планы, схемы, слепки и оттиски следов, выполненные при производстве следственных действий. Эти дополнительные средства фиксации принято рассматривать в качестве приложений к протоколам соответствующих следственных действий, не имеющих самостоятельного процессуального значения. Возникает вопрос: могут ли перечисленные выше приложения к протоколам следственных дей-

ствий использоваться при производстве допросов, в частности предъявляться допрашиваемому? На это может быть дан только положительный ответ. Если законодатель предусмотрел возможность использования одного из приложений к протоколам следственных действий — воспроизведение фонограмм, то аналогично следует поступать и при необходимости предъявления при допросе иных приложений к протоколам следственных действий, предусмотренных п. 6 ст. 141 УПК.

В соответствии со ст. 193 УПК следователь обязан предъявить обвиняемому заключение эксперта. При этом обвиняемый имеет право дать свои объяснения и заявить возражения, а также просить о постановке дополнительных вопросов эксперту или о назначении дополнительной либо повторной экспертизы. Поскольку в законе отсутствуют ограничения относительно времени и порядка представления обвиняемому заключения эксперта для ознакомления, то нельзя рассматривать предшествующее этому предъявление ему фрагментов (чаще всего выводов по поставленным следователем вопросам) акта экспертизы при допросе неправомерным. Однако подобное фрагментарное ознакомление с заключением эксперта не заменяет и не исключает необходимости последующего представления обвиняемому акта экспертизы в целом с обязательным своевременным выполнением предписанной ст. 193 УПК процессуальной процедуры.

Иногда возникает вопрос о правомерности оглашения при допросе свидетеля (потерпевшего) показаний других свидетелей (потерпевших), содержащихся в протоколах допроса. Как известно, ст. 141 УПК разрешает воспроизведение звукозаписи показаний (в том числе и показаний свидетеля) при производстве других следственных действий и не содержит каких-либо ограничений в этом. Следовательно, воспроизведение звукозаписи показаний одного свидетеля при допросе другого вполне допустимо. Поскольку это так, то нет никаких оснований запрещать предъявление самого протокола допроса (фонограмма — приложение к нему и не имеет без протокола самостоятельного значения) свидетеля или оглашение его показаний при допросе другого свидетеля [6]. Вместе с тем оглашение при допросе свидетелей показаний других свидетелей является частным случаем использования доказательств при допросе и

должно соответствовать процессуальным условиям правомерности применения этого тактического приема.

Правомерность использования доказательств [7] при допросе определяется прежде всего их допустимостью, под которой в теории доказательств понимается пригодность доказательства с точки зрения его процессуальной формы — законности источников, методов и приемов получения сведений [8] .Необходимо, чтобы доказательства содержались в предусмотренных ч. 2 ст. 69 УПК источниках, перечень которых в законе является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит.

Обязательное условие правомерности и допустимости всех тактических приемов — неукоснительное соблюдение при их использовании предписаний уголовно-процессуального закона.

Применительно к использованию доказательств на допросе должны прежде всего учитываться нормы закона, запрещающие неправомерные методы получения показаний (ст. 20 УПК). Ряд условий предъявления доказательств прямо вытекает из содержания ст. ст. 150 и 158 УПК, регламентирующих порядок производства допроса обвиняемых и свидетелей. К ним относится, во-первых, правомерность предъявления доказательств только после свободного рассказа допрашиваемого [9] и ответа на уточняющие вопросы следователя и, во-вторых, обязательное соблюдение условия, чтобы комментарий следователя при предъявлении доказательств не оказывал внушающего воздействия на допрашиваемого, в частности не содержал наводящих вопросов.

Наконец, в ст. 141 [1] УПК содержится указание о том, что в случае воспроизведения звукозаписи при производстве другого следственного действия следователь обязан сделать об этом отметку в протоколе. Представляется целесообразным такое указание закона распространить на все без изъятия случаи предъявления доказательств.

Введение этого условия имеет под собой следующее обоснование. Статьи УПК, регламентирующие порядок протоколирования, обязывают следователя фиксировать в протоколе не только результат, но и сам ход следственного действия, излагать в этом документе существенные для дела обстоятельства. Практика показывает, что предъявление доказательств всегда имеет

место по существенным для правильного разрешения дела обстоятельствам и только тогда, когда перед этим допрашиваемый дал или давал на предыдущих допросах ошибочные или ложные показания либо когда появилась необходимость допросить определенное лицо по поводу имеющихся у следователя доказательств и связанных с ними обстоятельств расследуемого дела. Поэтому и сам факт, и результаты предъявления доказательств должны отражаться в протоколах как при изменении показаний допрашиваемым, так и при подтверждении им своей прежней позиции. Это позволит правильно оценить в первом случае причину, побудившую к изменению показаний, а во втором — правдивость допрашиваемого, соответствие его показаний собранным по делу доказательствам. Встречаются ситуации, когда, несмотря на упорное отстаивание допрашиваемым своей прежней позиции, предъявление доказательств делает очевидной ошибочность или ложность его показаний, что имеет значение при оценке этих показаний в дальнейшем, в том числе и самим допрашиваемым.

Подводя итог сказанному, можно сформулировать следующие основные процессуальные условия, определяющие правомерность использования доказательств при допросе:

1) в качестве доказательств могут использоваться лишь те данные, которые получены законными приемами и методами и содержатся в предусмотренных законом процессуальных источниках;

2) предъявление доказательств не должно нарушать предусмотренного уголовно-процессуальными кодексами процессуального порядка допроса, в связи с чем доказательства могут использоваться лишь после свободного рассказа допрашиваемого и выяснения уточняющих вопросов следователем;

3) комментарий следователя при предъявлении доказательств не должен оказывать внушающего воздействия и содержать наводящих вопросов;

4) предъявление доказательств подлежит обязательной фиксации в протоколе допроса.

2. Цели использования доказательств при допросе

Четкое определение цели всякой деятельности — обязательное предварительное условие ее эффектив-

ности, ибо постановка цели предопределяет выбор средств по ее осуществлению. Сказанное полностью относится и к производству допроса. В конечном счете цель допроса — получение достоверных показаний по интересующим следствие важным обстоятельствам расследуемого дела — может быть достигнута в ряде случаев различными средствами, однако в определенных тактических ситуациях использование доказательств будет оптимальным тактическим приемом, а иногда и единственным путем установления истины.

Констатация факта, что использование доказательств при допросе направлено на получение достоверной информации от лица, дающего показания, еще не раскрывает специфики конкретных целей, решаемых в определенных тактических ситуациях путем предъявления доказательств. Таких промежуточных целей, при помощи которых устанавливается истина по интересующим следователя обстоятельствам дела, несколько.

В литературе по тактике допроса нередко акцентируется внимание на достижении одной из этих целей — изобличении недобросовестного допрашиваемого во лжи [10]. Может создаться впечатление, что названная цель — главная и даже чуть ли не единственная, которую преследует предъявление доказательств при допросе. Отмеченное положение объясняется тем, что разоблачение ложных показаний подозреваемых, обвиняемых и лжесвидетелей — важная и сложная задача, требующая высокого профессионального мастерства. Между тем эта цель отнюдь не единственная и не всегда самая трудная среди задач, решаемых следователем на допросах.

В специальной литературе по вопросу о целях использования доказательств при допросе существуют различные взгляды. Так, В. С. Комарков выделяет пять целей: 1) для оказания помощи добросовестному допрашиваемому в воспоминании забытого; 2) для ориентации допрашиваемого на изложение сведений о фактах, интересующих следствие; 3) для детализации и конкретизации показаний допрашиваемого с целью исключения зависимости установления истины от занятой им позиции; 4) для изобличения допрашиваемого, дающего ложные показания; 5) для изменения установки допрашиваемого, отказывающегося давать правдивые показания, и формирования у него установки на

дачу полных и правдивых показаний [11]. Не оспаривая изложенной классификации целей использования доказательств (некоторые из них требуют уточнения), отметим тесную взаимосвязь и взаимообусловленность ряда самостоятельно выделенных целей (второй и третьей, четвертой и пятой), которые ставят под сомнение целесообразность столь дробного деления. Предпочтительнее позиция Н. А. Селиванова, выделившего три основные цели в использовании рассматриваемого тактического приема: конкретизация и детализация показаний; разоблачение лиц, пытающихся скрыть истину, и устранение добросовестного заблуждения [12].

Представляется, что необходимость использования доказательств при допросе всегда вызывается определенным несовершенством показаний, ранее данных этими лицами. В ряде случаев их показания противоречат остальным материалам уголовного производства. Такое положение может свидетельствовать о том, что являются недостоверными или показания определенного лица, или материалы уголовного дела. Подобные существенные расхождения обычно вызваны неправильностью показаний. Здесь перед следователем возникает задача предварительно определить причины, вызвавшие несоответствие показаний остальным материалам дела. Такими причинами могут быть как добросовестное заблуждение, так и преднамеренная ложь допрашиваемого.

В большинстве случаев причина недостоверности показаний устанавливается следователем лишь предположительно с большей или меньшей степенью вероятности. Поэтому принятое в теории деление допрашиваемых на добросовестных и недобросовестных, правдивых и неискренних также в известной мере является предварительным и не исключает того, что первоначальная оценка следователем достоверности и причины недостоверности показаний может оказаться ошибочной. Однако, несмотря на это, и в следственной практике, и в специальной литературе приходится прибегать и к предварительной оценке правильности показаний и причин их недостоверности, и к делению в соответствии с этим допрашиваемых на преднамеренно лгущих и добросовестно заблуждающихся, поскольку такого рода предположительные суждения являются необходимыми отправными положениями для построения тактики допроса [13].

Предварительное установление следователем причины недостоверности показаний (добросовестное заблуждение или преднамеренная ложь) указывает на принципиально различные позиции допрашиваемых по делу и обусловливает различные цели использования доказательств при допросе, равно как и специфику применения рассматриваемого тактического приема при допросе добросовестных и недобросовестных лиц [14]. В первом случае целью использования доказательств будет устранение добросовестного заблуждения, а во втором — разоблачение ложных показаний для получения от допрашиваемых достоверных показаний по интересующим следствие обстоятельствам уголовных дел.

Другая ситуация использования доказательств при допросе обусловлена не наличием расхождений между показаниями и материалами уголовного производства, а вытекает из необходимости получения более конкретных и детальных показаний как по поводу предъявленных доказательств, так и связанных с ними обстоятельств дела. Причем использование доказательств при допросе с указанной целью может иметь место в следующих двух случаях. Во-первых, когда следователь первоначально при допросе не предъявлял доказательств, в связи с чем допрос оказался малопродуктивным. Во-вторых, когда следователь заранее предвидел бесперспективность допроса без предъявления определенного доказательства, например о реквизитах бухгалтерского документа, оформленного несколько лет тому назад, и в ходе следственного действия сразу использовал этот документ.

Указав цели использования доказательств при допросе свидетелей, потерпевших, подозреваемых и обвиняемых, необходимо более подробно охарактеризовать их с тем, чтобы раскрыть содержание и специфику каждой из них.

1. Предъявление доказательств с целью преодоления добросовестного заблуждения допрашиваемых, главным образом свидетелей и потерпевших, обусловлено закономерностями протекания психических процессов человеческой памяти. Нередки случаи, когда и от добросовестных лиц (при отсутствии у них заинтересованности в сокрытии обстоятельств дела) можно получить неточные показания. Все это дает основания для обоснованного предположения о том, что дефекты показаний

вызваны недостатками в восприятии и запоминании обстоятельств, относящихся к расследуемому преступлению. Известно, что пробелы в восприятии невосполнимы, ибо нельзя дать показания о том, чего допрашиваемый не воспринял своими органами чувств. Попытки отдельных следователей во что бы то ни стало получить показания по всем интересующим обстоятельствам дела могут лишь привести к их искажению за счет подмены обыденным, типичным или невольно подсказанным следователем того, что в свое время не было воспринято допрашиваемым. Здесь предпочтительнее иметь пробелы в показаниях, нежели пытаться побудить допрашиваемого свидетельствовать о том, чего он не увидел и не услышал.

Восполнить и уточнить в показаниях можно лишь то, что было в свое время воспринято допрашиваемым, но с течением времени было запамятовано им [15]. Иными словами, устранение добросовестного заблуждения допрашиваемого связано с преодолением дефектов в запоминании при воспроизведении показаний на допросе.

В ряде случаев удается восстановить в памяти допрашиваемого воспринятые им ранее, но забытые или неправильно интерпретированные при допросе обстоятельства дела. Для этого используются приемы, основанные на принципе ассоциативных связей. Этот принцип сводится к следующему: если определенные психические образования возникли в сознании одновременно или непосредственно друг за другом, то между ними образуется ассоциативная связь, и повторное появление какого-либо из элементов этой связи вызывает в сознании представление об остальных элементах. Необходимым и достаточным основанием для образования связи между двумя впечатлениями по ассоциации является одновременность их появления в сознании.

Возникновение ассоциаций объяснено И. П. Павловым тем, что когда два раздражителя одновременно (или последовательно друг за другом) действуют на кору больших полушарий головного мозга, то между очагами возбуждения возникают нервные связи. В дальнейшем при оживлении одного раздражителя, возбуждающего один очаг в коре головного мозга, одновременно с ним по ассоциации наступает возбуждение и второго, связанного с ним очага.

Все многообразие внешних условий, необходимых для возникновения «одновременных впечатлений», может быть сведено к трем следующим случаям: а) пространственно-временная смежность соответствующих объектов; б) их подобие; в) различие или противоположность. Соответственно указанным трем типам отношений между явлениями внешнего мира обычно выделяют три типа ассоциаций — по смежности, сходству и контрасту [16].

В припоминании забытого особую роль играют ассоциации по смежности. Поскольку в памяти человека явления действительности укладываются в определенной связи между собой, то какое-либо забытое обстоятельство может быть восстановлено в памяти при рассмотрении связанных с ним смежных обстоятельств. В данном случае одно удерживаемое в памяти обстоятельство может дать по ассоциации импульс к восстановлению в памяти другого, связанного с ним обстоятельства. Подобные ассоциации могут возникнуть по смежности во времени, по смежности в пространстве, по смежности в причинной связи и, наконец, в отдельных случаях возможны ассоциации по смежности эмоциональных переживаний (преимущественно при допросе потерпевших и свидетелей из числа очевидцев преступления).

Для устранения пробелов и неточностей, вызванных добросовестным заблуждением допрашиваемого и основанных на забывании ранее воспринятых обстоятельств преступления, в следственной практике используется несколько способов: постановка перед допрашиваемым вопросов, активизирующих ассоциации; рассмотрение смежных событий и обстоятельств; предъявление доказательств; допрос на месте происшествия и, наконец, проведение очных ставок. При этом непосредственное предъявление доказательств в силу наглядности обладает тем очевидным преимуществом, что позволяет свести к минимуму комментарий следователя и тем самым практически исключить возможность непроизвольного внушающего воздействия со стороны допрашивающего. По этой причине использование доказательств при допросе с целью устранения добросовестного заблуждения предпочтительнее в сопоставлении с иными названными выше видами допроса и особенно в сравнении с проведением очной ставки, на которой

бывает весьма сложно полностью нейтрализовать внушающее воздействие второго участника.

2. Использование доказательств с целью разоблачения ложных показаний подозреваемых, обвиняемых, а также лжесвидетелей — давно известный следственной практике, наиболее распространенный и эффективный прием получения от этих лиц правдивых показаний. Не случайно, что все без исключения опрошенные нами следователи заявили об использовании этого тактического приема по каждому из дел, где возникает необходимость в изобличении лиц, виновных в совершении преступлений, и в разоблачении ложных показаний допрашиваемых. Такая точка зрения следователей вполне объяснима и закономерна, поскольку психологически наиболее веским аргументом для лица, дающего ложные показания, является предъявление ему совокупности изобличающих доказательств, неопровержимо свидетельствующих о ложности его объяснений и о доказанности вины.

Однако, как показывает изучение следственной практики, наличие в распоряжении следователя совокупности изобличающих в совершении преступления доказательств еще не гарантирует того, что подозреваемый (или обвиняемый) изменит свою позицию по делу и даст правдивые показания. Важно умело распорядиться собранными доказательствами, учесть при их использовании на допросе совокупность обстоятельств, влияющих на тактические особенности предъявления доказательств в каждом из конкретных случаев. К их числу прежде всего должны быть отнесены: объем и характер имеющихся у следователя доказательств, тактическая ситуация по делу, индивидуально-психологические особенности допрашиваемого и мотивы сокрытия истины. Специфическое сочетание исходных данных, определяющих особенности использования доказательств в каждом из конкретных случаев, предопределяет определенные индивидуальные особенности в применении рассматриваемого тактического приема и не позволяет разработать жестких тактических рекомендаций, пригодных для всех сходных случаев предъявления доказательств. Использование доказательств для изобличения лиц, виновных в совершении преступлений и дающих по делу ложные показания,— сложный тактический прием, требующий высокого профессионального мастерства

следователя, тщательной предварительной подготовки, гибкой тактики при реализации имеющихся доказательств.

Значительный практический интерес представляет вопрос о том, насколько характер совершенного преступления влияет на тактику изобличения виновного лица и в какой мере этот фактор должен учитываться при использовании доказательств на допросах подозреваемых и обвиняемых по различным категориям дел. Иными словами, можно ли разрабатывать общие тактические рекомендации по использованию доказательств при допросе лиц, дающих ложные показания, или такие рекомендации целесообразно излагать применительно к отдельным видам преступлений? Изучение практики предъявления доказательств по делам, с одной стороны, об умышленных убийствах и изнасилованиях, с другой — о хозяйственных и должностных преступлениях, показало отсутствие принципиальных тактических различий в использовании доказательств по указанным категориям дел. Так, вне зависимости от категории дел употреблялись и непосредственное предъявление, и опосредствованные методы реализации доказательств. По каждой из названных категорий дел использовались все без изъятия предусмотренные законом источники доказательств, а также приложения к протоколам следственных действий.

Специфика заключалась в другом. Каждый вид преступлений оставляет после себя специфическую совокупность следов, которые в дальнейшем обнаруживаются, собираются, проверяются при производстве различных следственных действий, отображаются в разных источниках доказательств. Поэтому по делам об убийствах преимущественными источниками доказательств являются вещественные доказательства, экспертиза трупа и вещественных доказательств, протокол осмотра места происшествия с соответствующими приложениями, реже — показания свидетелей и другие источники. Напротив, по делам о хищении товарно-материальных ценностей чаще используются бухгалтерские документы, экспертизы, связанные с исследованием этих документов, показания свидетелей. В процессе допроса по хозяйственным и должностным преступлениям необходим анализ в ходе следственного действия различных документов, в связи с чем предъявление

доказательств (заключений экспертов, показаний свидетелей и др.) нередко непосредственно связано с этими документами и показаниями допрашиваемого, даваемыми по поводу бухгалтерских документов. Отмеченные выше особенности использования доказательств с целью разоблачения ложных показаний по различным категориям дел, естественно, должны учитываться следователем и находить отражение при реализации рассматриваемого тактического приема.

Как показывает изучение практики, диапазон ложных показаний по уголовным делам весьма значителен — от лжи по отдельным, подчас второстепенным обстоятельствам преступления, до дачи ложных показаний по всем обстоятельствам уголовного дела, обусловленных жесткой установкой допрашиваемого на непризнание своей вины. Представляется, что из всего многообразия ситуаций, вызванных позицией недобросовестного допрашиваемого, наиболее типичными будут две: 1) полное отрицание — установка [17] недобросовестного лица на дачу ложных показаний и 2) частичное отрицание, когда на фоне признания ряда эпизодов или отдельных обстоятельств преступления по отдельным из них допрашиваемый все-таки дает ложные показания. Очевидно, что тактика использования доказательств для изобличения во лжи в каждом из этих случаев должна варьироваться следователем.

3.Последняя — третья цель использования доказательств при допросе состоит в предъявлении вещественных доказательств и документов с целью получения от допрашиваемых правдивых развернутых показаний, относящихся к представленным доказательствам и связанным с ними обстоятельствам уголовного дела.

Обращает внимание известная общность в использовании доказательств при допросе с целью устранения добросовестного заблуждения и для получения от допрашиваемого развернутых показаний. Это общее — в оживлении ассоциативных связей и припоминании забытого, что для устранения добросовестного заблуждения является единственной целью, а при получении развернутых показаний выступает в качестве вспомогательного и факультативного условия эффективности реализации этого тактического приема.

Выборочное изучение показало распространенность предъявления доказательств при допросах свидетелей

и потерпевших с целью получения от последних развернутых показаний. Так, если в целом доказательства использовались на каждом двенадцатом допросе потерпевших и свидетелей, то в 92,2% случаев от общего числа они представлялись допрашиваемым с тем, чтобы сориентировать их на свидетельствование об определенных документах и вещественных доказательствах и связанных с ними обстоятельствах с целью получения развернутых показаний.

Из источников доказательств чаще всего предъявлялись иные, преимущественно бухгалтерские, документы, а также вещественные доказательства и протоколы следственных действий. Причем протоколы следственных действий, по нашим наблюдениям, использовались обычно по делам, возвращенным на дополнительное расследование, когда возникала необходимость в уточнении обстоятельств, относящихся к условиям производства следственных действий и правильности фиксации [18]

В рамках предъявления доказательств для получения от допрашиваемого развернутых показаний прослеживаются два направления реализации этого тактического приема. Во-первых, это ориентация допрашиваемого в отношении фактов и обстоятельств, по которым ведется допрос. Без этого допрашиваемому зачастую нелегко понять, какие из известных ему лиц, документов, объектов и связанных с ними обстоятельств интересуют следователя. И наоборот, следователю не всегда бывает ясно, адекватно ли он понят допрашиваемым и об одном ли и том же лице, документе, объекте идет речь в показаниях. Во-вторых, это те ситуации, когда допрашиваемый четко сориентирован в том, о чем его спрашивает следователь, но без предъявления ему соответствующего документа или вещественного доказательства затрудняется в детализации показаний применительно к указанным доказательствам.

Между этими двумя случаями порой нельзя провести границы. Не исключено, например, что предъявление свидетелю какого-либо документа будет одновременно преследовать решение обеих задач — и ориентацию допрашиваемого относительно предмета допроса, и конкретизацию его показаний применительно к содержанию и форме представленного ему для обозрения документа. Поэтому приведенная выше конкретизация цели, связанной с получением от допрашиваемого разверну-

тых показаний, не претендуя на универсальность, преследует чисто методические задачи.

Завершая на этом изложение общих вопросов, перейдем к рассмотрению тактики использования доказательств при допросе с целью разоблачения лжи, устранения добросовестного заблуждения, для получения от допрашиваемого развернутых показаний, а также на очной ставке, являющейся разновидностью допроса.

II. Тактика использования доказательств с целью изобличения допрашиваемого во лжи

1. Подготовка к предъявлению доказательств при допросе

Как и всякий сложный тактический прием, использование доказательств при допросе требует тщательной предварительной подготовки [1].

Готовясь к использованию доказательств при допросе, следователю прежде всего надлежит решить вопрос о допустимости и относимости того или иного доказательства. Как уже отмечалось, под допустимостью понимают пригодность доказательства с точки зрения его процессуальной формы (законность источника, методов и приемов получения информации). Относимость доказательства устанавливает наличие действительной связи определенного доказательства с рассматриваемыми на допросе обстоятельствами дела [2].

Кроме того, следователь должен определить целесообразность предъявления доказательств на допросе, провести предварительное их исследование, определить оптимальное время производства допроса и надлежащим образом скорректировать его тактику.

Обычно все доказательства, предъявляемые на допросе, могут быть использованы также и на очной ставке. Изучение уголовных дел и опрос следователей показали, что в подавляющем большинстве случаев доказательства используются при проведении допросов, в том числе и с целью разоблачения подозреваемого и обвиняемого, давших ложные показания. Такой подход в принципе закономерен, ибо очная ставка сама по

себе является трудоемким и эмоционально напряженным следственным действием, в связи с чем усложнять ее производство предъявлением доказательств обычно нецелесообразно. Однако возможны отдельные ситуации, которые будут рассмотрены ниже, в пятой главе, когда изобличать в даче ложных показаний предпочтительнее не на допросе, а на очной ставке, где для этой цели может быть использована активная позиция правдивого участника.

Придя к выводу о целесообразности предъявления доказательств на допросе, следователь должен изучить находящиеся в его распоряжении доказательства: осмотреть вещественные доказательства, исследовать документы и т. д. Во время предварительного изучения доказательств нередко возникает необходимость в производстве дополнительных следственных действий, направленных на более глубокое исследование имеющихся доказательств (производство различных экспертиз), на установление принадлежности доказательства, его признаков и выяснение иных важных обстоятельств (проведение допросов, осмотров, предъявлений для опознания).

Проделанная работа поможет следователю не только более глубоко и всесторонне ознакомиться с находящимися в его распоряжении доказательствами, правильно оценить их значение и наметить наиболее эффективные методы их реализации при допросе, но и получить в свое распоряжение дополнительные источники доказательств. Это особенно важно при использовании доказательств для разоблачения лжи. Так, например, если у следователя имеется нож — орудие преступления, то, как правило, не следует торопиться с его предъявлением. Имеет смысл предварительно провести ряд следственных действий: допросить свидетелей, знающих о принадлежности этого ножа обвиняемому, предъявить его с этой целью для опознания, при необходимости направить нож на судебно-биологическую и криминалистическую экспертизы и т. д. В этом случае недобросовестному лицу могут быть предъявлены одновременно с ножом протоколы допросов и предъявления ножа для опознания и заключения соответствующих экспертиз.

Предъявление вещественных доказательств (в нашем примере — ножа) может быть осуществлено двумя способами: во-первых, путем производства специаль-

ного следственного действия, предусмотренного ст. ст. 164 — 165 УПК. В этом случае устанавливается относимость предмета к расследуемому делу и его принадлежность обвиняемому (этим ножом было совершено преступление; этот нож принадлежит обвиняемому); во-вторых, при допросе обвиняемого для изобличения последнего в даче ложных показаний (не имел ножа; не причинял ножевого ранения потерпевшему).

Нетрудно заметить определенную взаимосвязь и обусловленность названных выше случаев предъявления доказательств. Прежде всего для получения статуса вещественного доказательства по делу нож должен быть предъявлен для опознания и опознан в качестве орудия преступления. Последующее за этим признание ножа специальным постановлением следователя вещественным доказательством по делу предоставляет возможность для его предъявления при допросе дающему ложные показания обвиняемому. Поэтому прав А. Н. Селиванов, утверждая, что при предъявлении вещественных доказательств на допросе «используются предметы, принадлежность которых и относимость к уголовному делу обычно уже установлены» [3]. Иными словами, сначала объект предъявляется для опознания, признается вещественным доказательством, а затем уже используется при допросе с целью изобличения обвиняемого в совершении преступления.

Решая вопрос о предъявлении доказательств на том или ином этапе расследования, следователь должен выбрать для этого наиболее благоприятный момент. При допросе недобросовестных, дающих ложные показания лиц необходимо учитывать, что всякое преждевременное предъявление доказательств в принципе нежелательно. Оно ведет к разглашению собранных следователем данных, в связи с чем тактически обезоруживает его и, напротив, помогает подозреваемому (обвиняемому) определить степень доказанности его вины. Поэтому предъявлять доказательства на допросе таких лиц имеет смысл только тогда, когда следователь имеет основания надеяться, что рассматриваемый тактический прием приведет к получению правдивых показаний, или когда были использованы и оказались безрезультатными иные методы установления истины. Указанные опасения во многом утрачивают свое значение, если допрос производится непосредственно перед

окончанием предварительного расследования и, следовательно, нежелательный эффект предъявления доказательств сводится к минимуму.

Готовясь к предъявлению доказательств с целью изобличения допрашиваемого во лжи, необходимо избрать наиболее благоприятствующую этому тактику допроса. Рассматриваемый тактический прием должен быть не только тесно связан, но и органически вплетен в предмет следственного действия. При подготовке допроса, в ходе которого следователь предполагает предъявить доказательства недобросовестному лицу, желательно соотнести его предмет с имеющимися доказательствами. Поэтому предмет такого допроса, как правило, бывает у́же, чем обычно, а основные его этапы должны быть связаны с имеющимися у следователя доказательствами. Это позволит избежать не подкрепленных доказательствами фрагментов допроса, сделает его концентрированным, повысит эмоциональную насыщенность и, значит, усилит психологическое воздействие допроса на лицо, дающее ложные показания.

Именно так поступил следователь при подготовке к допросу Воронкова [4], совершившего во дворе дома по месту своего жительства убийство Уткина путем нанесения последнему нескольких ударов поленом по голове. Убийству предшествовало распитие водки в квартире у Воронкова, в котором наряду с подозреваемым и потерпевшим участвовал свидетель Фокин. Последний показал, что при распитии спиртного между Воронковым и Уткиным возникла ссора, которая затем перешла в драку. Фокину удалось разнять и успокоить дерущихся. Однако вскоре Воронков стал выгонять находившегося в сильном опьянении Уткина из квартиры и буквально выволок его во двор. Через некоторое время он вернулся и сказал, что Уткин наконец-то ушел. Воронков не только отрицал совершение преступления, но и утверждал, что весь вечер 24 января он провел у себя дома у телевизора, из квартиры не выходил и никто его не навещал.

Следователь решил провести его изобличение в преступлении на нескольких допросах, поэтапно. На первом допросе предполагалось доказать, что к Воронкову заходил потерпевший, они распивали водку, поссорились, а затем вместе выходили из дома. Следователь предполагал подробнейшим образом допросить

подозреваемого и сопоставить эти показания с первоначальным протоколом допроса. В случае отстаивания Воронковым ложных показаний следователь планировал огласить показания Фокиной, утверждавшей, что вечером 24 января ее муж действительно приходил к Воронкову за деньгами, и, наконец, воспроизвести ту часть фонограммы показаний Фокина, где тот подтверждал факт распития спиртного на квартире у подозреваемого, наличие ссоры между Воронковым и Уткиным и их уход из дома. Изобличение Воронкова непосредственно в убийстве Уткина планировалось провести на последующем допросе, после получения заключений экспертиз.

Избранная следователем тактика поэтапного использования доказательств на допросах Воронкова реально учитывала сложившуюся по делу тактическую ситуацию, наличие доказательств, возможность их получения в дальнейшем и характерологические особенности допрашиваемого, склонного к тщательному обдумыванию своих действий.

Предъявляя доказательства, следователю необходимо использовать фактор внезапности. Недобросовестные лица вплоть до момента предъявления доказательства не должны знать о наличии у следователя данных, уличающих их в совершении преступления и в даче ложных показаний. Если же в процессе расследования возникает необходимость коснуться доказательств, которые следователь позже собирается предъявить при допросе, то целесообразно поставить вопрос о них в общей форме, не акцентируя внимания допрашиваемого на индивидуальных признаках. Например, располагая орудием преступления, следователь может спросить у подозреваемого, каким предметом было причинено ранение, и поинтересоваться его дальнейшей судьбой. Такие действия дезориентируют допрашиваемого относительно осведомленности следователя о характере и судьбе вещественного доказательства, порождают уверенность, что орудие преступления не обнаружено, и создают благоприятные психологические предпосылки для его предъявления при допросе.

Вместе с тем абсолютно недопустимо сообщение следователем ложных сведений или извращение истинных фактов, что по сути дела является обманом и противоречит предписанию ст. 20 УПК, запрещающему

домогаться показаний обвиняемого путем насилия, угроз и иных незаконных мер. Так, в рассматриваемом примере неправомерно было бы сообщить допрашиваемому о том, что орудие преступления еще не найдено, когда следователь к моменту допроса располагал им.

При подготовке к допросу с целью изобличения недобросовестных лиц следователь должен заранее решить, какие именно доказательства, в какой последовательности и какими способами (непосредственным предъявлением или ссылкой на доказательства) они будут реализованы в ходе следственного действия.

2. Использование доказательств для изобличения допрашиваемого во лжи

В основе занимаемой по делу недобросовестными лицами (подозреваемыми, обвиняемыми, лжесвидетелями) негативной по отношению к установлению истины позиции лежат различные по своему характеру побудительные причины, мотивы, установление и нейтрализация которых следователем являются необходимыми предпосылками изобличения во лжи. В этом отношении важное тактическое значение имеет умение следователя диагносцировать психические состояния лиц, избравших линией своего поведения на следствии дачу ложных показаний. По понятным причинам речь прежде всего пойдет о психологии лиц, виновных в совершении преступления,— о подозреваемых и обвиняемых.

Психические состояния этих лиц в решающей степени обусловлены совершением преступления и необходимостью нести за него уголовную ответственность. Психология подозреваемого (обвиняемого) характеризуется господством оборонительной доминанты — максимального очага нервного возбуждения, через призму которого преломляется восприятие и оценка обстановки, регуляция его поведения. Под доминантой в русском языке понимают господствующую идею, а в физиологии — господствующий в данный момент очаг возбуждения в центральной нервной системе, обладающий повышенной чувствительностью к раздражителям и оказывающий тормозящее влияние на работу других нервных центров. На этой основе с учетом прошлого опыта и нравственных качеств личности формируется ее внут-

ренняя позиция, система отношений к происходящему, готовность действовать определенным образом [5]

Защитная доминанта имеет значение для следователя в двух аспектах: во-первых, в плане демонстративности и назойливости поведения преступника, стремящегося любыми способами доказать свою непричастность к преступлению, заподозрить маскировку поведения и, во-вторых, в целях использования психологического состояния правонарушителя для его изобличения и получения правдивых показаний.

Порожденные и связанные с оборонительной доминантой психические состояния лиц, совершивших преступления, обычно создают благоприятные условия для разоблачения установки на дачу ложных показаний. Сказанное объясняется определенными психологическими предпосылками. Постоянное напряжение, в котором находится подозреваемый (обвиняемый), обусловленное необходимостью скрывать сам факт и обстоятельства совершенного преступления, связано с искусственным усилением тормозного процесса, а это по закону положительной индукции вновь приводит к усилению процесса возбуждения. Внутреннее напряжение вызывает у подозреваемого острую потребность посоветоваться с кем-либо, поделиться своими переживаниями. Стремление к разрядке психической напряженности приводит лиц, виновных в совершении преступления, к так называемым внесудебным признаниям, т. е. сообщению о правонарушении своим родственникам, знакомым, сослуживцам, находит отражение в «уликах поведения», косвенно свидетельствующих об их виновности, и т. д.

На фоне действия оборонительной доминанты в сознании виновного в совершении преступления происходит борьба мотивов «за» и «против» признания: с одной стороны, боязнь общественного осуждения и уголовной ответственности, страх перед наказанием, с другой — раскаяние в совершенном преступлении, стремление не усугубить свою вину неискренним поведением и надежда на снисхождение в случае ее признания. Как справедливо отметил А. Р. Ратинов, следователь не может быть безразличен к этой борьбе мотивов, он должен стать активным его участником, нейтрализующим негативные мотивы и укрепляющим те из них, которые побуждают к правдивым показаниям [6].

Поэтому на допросе подозреваемых и обвиняемых, не признающих себя виновными в совершении преступления, при предъявлении с целью преодоления установки на дачу ложных показаний имеющихся у следователя доказательств необходимо учитывать целый ряд факторов, характеризующих психические состояния и психологические процессы допрашиваемого, его индивидуальные характерологические особенности, моральный облик, позицию по делу, мотивы определенного поведения, а также иные обстоятельства, относящиеся к особенностям преступления и личности правонарушителя. В каждом из допрашиваемых необходимо отыскать положительные черты характера и свойства личности, чтобы использовать их в процессе допроса для преодоления отрицательной установки и получения правдивых показаний.

Несмотря на то что предъявление доказательств — решающий аргумент в преодолении установки на дачу ложных показаний, равно как и при отказе от дачи показаний, рассматриваемый тактический прием должен сочетаться также и с другими приемами допроса: морального стимулирования (разъяснение обстоятельств, смягчающих уголовную ответственность, и т. д.), приемами, основанными на использовании психологических факторов (например, внезапность проведения того или иного тактического приема, учитывающая неподготовленность допрашиваемого к перестройке своих ложных показаний).

Указанная рекомендация разделяется и используется в работе большинством опрошенных следователей. Вот один из характерных ответов: «При доказывании виновности лиц, совершивших преступление и скрывающих это от следствия, используются различные тактические приемы: предъявление доказательств, моральное влияние, приемы психологического воздействия. Однако наиболее типичный для меня метод работы — собирание и использование доказательств при допросах подозреваемых (обвиняемых). Я не люблю спешить в работе с недобросовестными лицами, даю им выговориться, более того, даже предпочитаю, чтобы они как можно больше лгали. Подробным образом записываю их показания. Затем, когда собираю совокупность доказательств, то изобличаю обвиняемого при его допросе предъявлением доказательств. Так было, в частности,

по делу Ефремова, убившего из ревности жену Обвиняемый был ранее судим за изнасилование, что существенно осложнило доказывание его вины. Ефремов тщательно, в деталях продумал свою позицию по делу, поэтому вел себя уверенно и даже нахально. По материалам дела и по поведению Ефремова было очевидно, что он сильно и как-то болезненно ревновал жену. Об этом он заявил, как о причине, по которой он желал избавиться от жены, подговорил убить ее. Обвиняемый, чтобы запутать следствие, выдвинул абсурдную версию о том, что он организовал убийство жены через своего знакомого Абрамова. Встретившись с ним в присутствии своей сожительницы в ресторане, обвиняемый показывал Абрамову фотографию жены и просил найти человека для совершения убийства. Поэтому обвиняемый заявил, что его жена убита людьми Абрамова, которому он за это обещал поставить новый мотор и капитально отремонтировать автомашину. Впрочем, говорил Ефремов, его жена могла уйти от него и скрыться в неизвестном направлении, так как он ее сильно избивал.

Ефремову удалось незаметно вывезти и захоронить труп, а также обеспечить себе «надежное» алиби. Ефремов считал, что при отсутствии трупа и доказательств его вины он будет освобожден, а дело в отношении его прекращено за недоказанностью.

Несмотря на все это, я три-четыре дня подробнейшим образом записывал показания о том, как Ефремов провел день и что он делал в ночь убийства. Причем особенно интересовался тем, что он делал именно ночью, когда, по моим предположениям, было совершено преступление, вывезен и захоронен труп. Ефремов пояснил, что в эту ночь он решил подработать на личной автомашине, и взял у железнодорожного вокзала неизвестных попутчиков и отвез их к Соловьевской переправе. Затем вернулся домой, жену не застал, взял перину и отвез ее в деревню детям. Расчет времени показал, что обвиняемый физически не мог совершить эти две поездки и придумал эту версию, чтобы таким путем перекрыть время, потребовавшееся ему для совершения убийства и сокрытия следов преступления.

Поэтому на протяжении трех недель я самым подробным образом допрашивал Ефремова о маршруте, состоянии пути, ремонте дороги, наличии ремонтной техники и встречного транспорта и т. д. Ефремов здесь

допустил несколько ошибок, например заявил, что мост ремонтировался и движение было односторонним, что на переправе шел дождь и т. д. Стало очевидным, что на переправу Ефремов не ездил. Наряду с этим были получены данные о том, что в это время Ефремов находился дома и грузил в машину какой-то большой тюк.

На следующем допросе неожиданно для Ефремова была изменена тактика допроса. Я стал методично вскрывать противоречия в показаниях, обнаружил их перед допрашиваемым, изобличал его предъявлением доказательств — показаний свидетелей и различных справок (о состоянии погоды, ремонте пути, наличии техники и пр.). Под давлением этих доказательств Ефремов постепенно начал сдавать позицию за позицией и к концу допроса вынужден был признаться, что на переправу не ездил, а в это время совершил убийство жены, упаковал труп в тюк, вывез его и захоронил, после чего вернулся домой за периной, которую отвез в деревню. Изобличение Ефремова было обеспечено комплексным использованием различных тактических приемов, причем решающую роль сыграло предъявление доказательств».

Успех предъявления доказательств для изобличения во лжи обычно находится в прямой зависимости от количества доказательств, имеющихся в распоряжении следователя: чем больше доказательств, тем выше вероятность преодоления установки на ложь и получения правдивых показаний. С этой позиции, как правило, предпочтительнее не торопиться с реализацией имеющихся доказательств. Целесообразно провести дополнительные следственные действия, в частности различные виды экспертиз, и затем уже предъявить совокупность доказательств. К тому же в этих случаях уменьшается опасность наступления нежелательных последствий ознакомления допрашиваемого с имеющимися в деле данными. Собственно указанные соображения обычно принимаются во внимание следователями, которые, как правило, не спешат с реализацией отдельных доказательств, проводят кропотливую работу по их собиранию и проверке, получают совокупность, систему доказательств, достаточную для изобличения виновного в совершении преступления и в даче ложных показаний, и только тогда приступают к их использованию на

допросах. В большинстве таких случаев доказательства предъявляются на повторных допросах обвиняемых, после того как они не признали себя виновными в инкриминируемых им преступлениях.

4. Особенности использования доказательств на первоначальном этапе расследования при допросе подозреваемых

Предъявление совокупности доказательств обвиняемому не единственная тактическая ситуация использования доказательств с целью преодоления установки на дачу ложных показаний. В ряде случаев необходимость в предъявлении доказательств возникает раньше, когда виновные лица допрашиваются по делу в качестве подозреваемых. Такое положение чаще всего бывает обусловлено неотложностью решения вопроса об избрании меры пресечения. При этом учитываются и тактические соображения, относящиеся прежде всего к характеру расследуемого дела и личности допрашиваемого.

На психическое состояние преступника на общем фоне действия оборонительной доминанты наиболее сильное влияние оказывают характер совершенного преступления, наличие или отсутствие предварительного умысла на его совершение и предрасположенность лица к противоправным действиям. Замечено, что наиболее сильное потрясение переживают лица, совершившие преступление против личности, особенно если преступление было совершено впервые, без предварительной подготовки, в силу стечения ряда неблагоприятных обстоятельств.

Непосредственно после совершения преступления виновные, переживая о содеянном, обычно не способны разработать достаточно обоснованной защитной позиции. Как правило, предъявляемые доказательства оказывают на них большое эмоциональное воздействие и приводят к выводу о нецелесообразности дальнейшего отстаивания первоначальной ложной позиции.

С течением времени острота переживаний у преступников начинает утрачиваться, и они получают возможность тщательно подготовиться к защите. Поэтому не случайно в первые часы после совершения преступления следователям нередко удается собрать важные доказательства или побудить виновного к даче прав-

дивых показаний по таким категориям дел, как умышленные убийства, изнасилования, причинение телесных повреждений и т. п. Многие следователи стремятся как можно раньше принять такого рода дела к своему производству и приступить к допросам подозреваемых.

Естественно, что, избирая подобную тактику, следователи лишают себя возможности более тщательно подготовиться к допросу, провести различные экспертизы, собрать совокупность доказательств, неопровержимо изобличающих подозреваемого в совершении преступления. Отмеченные обстоятельства, конечно, осложняют работу следователя. Однако нельзя забывать, что и преступник в свою очередь также не имеет времени для конструирования ложных показаний. Поэтому следователь получает возможность предъявления отдельных доказательств «с ходу», без собирания совокупности доказательств, используя в целях установления истины психологическую неподготовленность допрашиваемого ко лжи, его эмоциональное состояние, препятствующее взамен разоблаченной ложной позиции выдвинуть достаточно убедительные новые измышления.

В случаях, когда задержание подозреваемого и действия по изобличению виновного производятся в первые дни после события преступления, указанные обстоятельства накладывают свой отпечаток как на характер получаемой следователем доказательственной информации, так и на способы ее реализации при допросе. По существу следователь здесь располагает лишь результатами неотложных следственных действий Он может иметь в своем распоряжении определенные следы преступления, вещественные доказательства, документы, показания свидетелей, позволяющие составить общее представление о событии преступления и виновности допрашиваемого. Однако впереди еще предстоит работа по дальнейшему исследованию, проверке и оценке уже собранных доказательств (например, проведение различных экспертиз, предъявление для опознания и т. д.), а также получению новых доказательств. Поэтому на данной стадии расследования целесообразно использовать не предъявление определенных доказательств допрашиваемому, а сообщить ему об их наличии, показать возможности использования имеющихся вещественных доказательств и следов преступления

путем назначения экспертиз, насколько это возможно на основании собранных данных сделать выводы об обстоятельствах совершенного преступления. Указанные действия следователя побуждают допрашиваемого переосмыслить занимаемую им позицию и могут привести к отказу от прежней лжи.

В подтверждение сказанного сошлемся на следующий случай из следственной практики. Получив утром сообщение из отделения милиции о задержании накануне вечером гр-на Никитина по подозрению в убийстве падчерицы, следователь изучил материалы дела и принял его к своему производству. К этому времени были собраны отдельные доказательства, подтверждающие совершение преступления Никитиным (в последние дни он угрожал потерпевшей расправой, незадолго до обнаружения трупа потерпевшей назначил с ней неподалеку от места происшествия свидание, на его одежде были обнаружены мазки, похожие на кровь, перед задержанием подозреваемый заявил своей матери, что «он погубил Ирину» и т. д.). Однако при его задержании работниками милиции Никитин категорически отрицал свою причастность к совершению преступления.

Узнав от работников милиции о том, что подозреваемый находится в возбужденном состоянии, возмущен задержанием и требует вызова к следователю, последний немедленно его допросил. В начале допроса, предполагая, что потерпевшая осталась жива, Никитин держался вызывающе, отказывался разговаривать о случившемся. Как позже объяснил сам подозреваемый, он рассчитывал, что потерпевшая, находившаяся с ним в интимных отношениях и предполагавшая зарегистрировать брак, не станет его изобличать в преступлении.

Было очевидно, что допрашиваемый твердо решил придерживаться избранной линии поведения. В этой обстановке было чрезвычайно важно поставить Никитина в непредвиденную им ситуацию, лишить его самоуверенности, показать ему, что у следователя имеются серьезные косвенные доказательства его виновности. С этой целью Никитину было сообщено, что потерпевшая скончалась. Это известие произвело на подозреваемого заметное впечатление. Дав Никитину прийти в себя, следователь предложил ему рассказать, как он совершил убийство. Однако и теперь подозреваемый продолжал отрицать причастность к преступлению.

К этому времени в распоряжении следователя находились протоколы допросов родственников, знакомых и сослуживцев подозреваемого и потерпевшей, позволявшие в общих чертах восстановить действия подозреваемого перед совершением преступления (угрозы по телефону в адрес потерпевшей, назначение ей свидания, уход Никитина с работы. Как сообщили сослуживцы, он отправился на свидание в район, где через непродолжительное время был обнаружен труп потерпевшей, и т. д.). Полагая, что осведомленность следствия может побудить допрашиваемого к отказу от лжи, ему было сообщено о вышеизложенном.

Внимательно выслушав следователя, Никитин заявил, что никто не видел, как он убил Ирину, и доказать не может. Тогда ему было разъяснено, что изъятая у него одежда направлена на судебно-биологическую экспертизу на предмет определения видовой принадлежности имеющихся на ней пятен крови и их совпадения с показаниями крови потерпевшей. Кроме того, имеются показания матери Никитина, которой последний заявил, что он «погубил Ирину». Затем Никитину был задан вопрос, чем он сможет объяснить все это? После непродолжительного раздумья Никитин дал правдивые показания и подробно сообщил о совершенном им преступлении. Его признание было тщательно проверено и подтверждено дополнительными доказательствами.

При изобличении виновного во лжи решающим фактором в оценке доказательства будет его юридическое значение, определяемое наличием в соответствующем источнике доказательств, фактических данных, используемых при допросе подозреваемых (обвиняемых) для преодоления негативной установки и получения правдивых показаний. Поскольку все предусмотренные ст. 69 УПК источники доказательств заключают в себе фактические данные, доказательства, то все они без исключения могут быть использованы с целью изобличения лиц, дающих ложные показания. В этом отношении нет разницы между вещественным доказательством, заключением эксперта, протоколом следственного действия, иным документом и т. д. Причем ни один из источников доказательств, включая показания подозреваемого и обвиняемого, не обладает перед другими заранее установленными преимуществами и не может рассматриваться в качестве решающего.

Вместе с тем в зависимости от отношения доказательства к основному факту расследуемого события или второстепенным обстоятельствам, а также от наличия в соответствующем источнике различного объема доказательственной информации в конкретных ситуациях расследования любой из источников доказательств может сыграть решающую роль в разоблачении лжи. В этой связи применительно к конкретным ситуациям расследования принято говорить о различном юридическом (доказательственном) значении по делу определенных источников доказательств. В одном случае решающее значение приобретает вещественное доказательство или документ, в другом — показания свидетеля-очевидца и т. д.

Как правильно отмечал В. С. Комарков, при оценке значения того или иного доказательства следует иметь в виду его тактическое значение для недобросовестного допрашиваемого, определяемое предположительной силой воздействия на подозреваемого и обвиняемого. Дело не только в том, «какую юридическую роль в доказательственной системе играет предъявляемое на допросе доказательство, но и в том, какое ему значение придает допрашиваемый» [7]

Нередко юридическое значение доказательства и оценка его подозреваемыми и обвиняемыми не совпадают. Так, в случае недооценки значения доказательств, полученных с помощью научно-технических средств и при производстве судебных экспертиз, рекомендуется разъяснить допрашиваемым определенные закономерности возникновения и исследования следов и вещественных доказательств, их значение в системе доказательств по делу [8]

Напротив, значение отдельных доказательств переоценивается. Обычно это имеет место в отношении доказательств, имеющих выраженную эмоциональную окрашенность,— показаний соучастников и свидетелей, которые по представлению допрашиваемых из различных причин не должны давать уличающие их показания. Здесь решающее значение в глазах недобросовестного лица приобретает не содержание, а сам факт дачи показаний, нередко оцениваемый им как своего рода «предательство». В других ситуациях преувеличенно воспринимается подозреваемыми обнаружение следователем спрятанных виновным орудий преступления,

трупа, похищенных вещей и т. д. По делам о хищении и должностных преступлениях такое значение нередко приобретают обнаруженные во время обысков различные черновые записи, самоучеты, заметки.

Естественно, что такой подход виновных лиц к оценке отдельных источников доказательств не может не учитываться следователем Особенно это важно при допросе подозреваемых, проводимом нередко при дефиците доказательств. Так, расследуя уголовное дело о хищении и взяточничестве в системе роно, следователь получил данные о том, что главный бухгалтер Рыгалина брала взятки от директора Дома пионеров Коридалиной, а также занималась хищением денежных средств путем фальсификации документов в бухгалтерии роно. Следствие располагало сведениями о том, что Рыгалина уговорила соучастников и свидетелей скрывать правду, была уверена в безнаказанности, заявляла, что она ни за что не сознается в преступлении. Изучение личности Рыгалиной показало, что следователю противостоит волевой и хорошо подготовившийся ко лжи противник. Поэтому нельзя было рассчитывать на раскаяние подозреваемой или на эффективность ее допроса без тщательной подготовки.

Было решено не вызывать Рыгалину на допрос до тех пор, пока не будут собраны доказательства ее виновности в получении взяток. Чтобы дезориентировать преступницу, следователь сделал вид, что он интересуется исключительно злоупотреблениями в Доме пионеров. Сначала Рыгалина проявляла беспокойство и даже поинтересовалась по телефону, когда ее вызовут на допрос. Ей объяснили, что у следователя не возникло необходимости в ее допросе. Вскоре она успокоилась и, по-видимому, не догадывалась о проводившейся следствием работе по эпизодам взяточничества.

Получив доказательства виновности Рыгалиной в вымогательстве и получении взяток, следователь вызвал ее, задержал и водворил в КПЗ. Эти действия, по словам подозреваемой, явились для нее полной неожиданностью. Волнение и растерянность Рыгалиной особенно усилились, когда ей были заданы вопросы, относящиеся к вымогательству и получению взяток от Коридалиной. Однако допрашиваемая быстро взяла себя в руки и заявила о своей невиновности. Считая дальнейшее продолжение допроса бесполезным, следова-

тель кратко зафиксировал показания и собрался уходить.

В это время Рыгалина поинтересовалась, почему следователь спешит и не хочет ее обстоятельно допросить. Ей было объяснено, что необходимо произвести обыски у нее на работе и дома. Следователю показалось что его ответ расстроил Рыгалину. Следствие располагало сведениями о хищении денежных сумм из бухгалтерии роно, однако способ совершения преступления известен не был. Волнение Рыгалиной могло свидетельствовать о том, что она, не предвидя такого поворота событий, не уничтожила компрометирующие ее документы и боится, что они будут обнаружены при обыске

Поведение подозреваемой, хотя и не имело доказательственного значения, оно подтвердило предположение о хищении и заставило еще более тщательно подойти к обыску. Действительно, при производстве обысков, особенно на квартире, было изъято большое количество документов и черновых записей Рыгалиной, выявлены нарушения в порядке оформления бухгалтерских документов. В частности, при проведении обыска в бухгалтерии роно и изъятии документации обратили на себя внимание запутанность отчетности и несвоевременная сдача в банк денег по пришкольным летним пионерским лагерям. Из бесед с работниками бухгалтерии выяснилось, что Рыгалина в нарушение существующих правил установила такой порядок, при котором она сама занималась вопросами финансирования пришкольных лагерей. Таким путем мог быть создан канал для хищения непосредственно самой Рыгалиной без соучастия с другими сотрудниками бухгалтерии. Изъятые документы требовали тщательного изучения с привлечением специалистов. Вместе с тем нельзя было упустить благоприятную обстановку для допроса Рыгалиной с использованием изъятых у нее при обыске документов Поэтому следователь захватил с собой часть изъятых документов и отправился на допрос.

Увидев следователя, Рыгалина сразу же поинтересовалась, производились ли обыски. Сообщив ей, что обыски были сделаны, и выложив на стол внушительную стопу документов, следователь, не вдаваясь в подробности об изъятой бухгалтерской документации перешел к допросу подозреваемой о вымогательстве взяток Чувствовалось, что Рыгалину больше интересует

другая тема: она была рассеянна, задумчива, иногда отвечала невпопад. Наконец допрашиваемая решила выяснить интересующие ее обстоятельства и со свойственной ей решительностью напрямик спросила, какие документы изъяты и почему ее об этом не допрашивают.

Наступил решающий момент допроса, подготовленный всем предыдущим ходом расследования. С одной стороны, вопрос подозреваемой нельзя было оставить без ответа, а с другой — преждевременно было предъявлять ей изъятые документы, тем более, что следователь еще не знал их действительного доказательственного значения.

Указанное обстоятельство определило линию дальнейшего поведения. Следователь сообщил Рыгалиной, что им изъято большое количество бухгалтерских документов и черновых записей и он собирался по некоторым из них побеседовать с подозреваемой, для чего захватил их на допрос, но сейчас принял другое решение: назначить по делу бухгалтерскую ревизию и изучить документацию при участии ревизора.

Атмосфера допроса накалялась. Рыгалина с вызовом заявила, что ей, по-видимому, не доверяют. Пришлось ей напомнить, что она до сих пор давала ложные показания и поэтому нет оснований ей доверять. Затем следователь перешел в наступление и, используя результаты обысков, задал подозреваемой несколько вопросов по поводу выявленных нарушений в оформлении бухгалтерской документации и порядке сдачи в банк денег, полученных по пришкольным летним пионерским лагерям. Однако сами документы ей не представлялись.

В заключение было высказано предположение о том, что эти нарушения не случайны: они создают предпосылки для хищения.

После непродолжительного размышления Рыгалина заявила, что она желает изменить сложившееся о ней мнение, и сообщила о трех эпизодах хищения по пришкольным летним пионерским лагерям. Подозреваемая рассказала о способе хищения, однако настораживала настойчивость, с которой она пыталась убедить, что других случаев хищения денег не было. Позже бухгалтерская ревизия выявила немало новых эпизодов хищения.

4 Зак. 818

Б. Тактика предъявления системы доказательств с целью разоблачения установки обвиняемых на сокрытие преступления

Для изобличения виновного лица в совершении скрываемого им преступления доказательства используются обычно после предъявления обвинения на одном или нескольких дополнительных допросах в качестве обвиняемого. Сказанное не исключает отдельные случаи, когда доказательства сначала предъявлялись при допросах в качестве подозреваемого, что не оказало воздействия на виновного, в связи с чем рассматриваемый тактический прием использовался затем уже после предъявления обвинения.

При предъявлении доказательств обвиняемому прослеживаются две особенности в использовании доказательств, не характерные обычно для допросов подозреваемых. Во-первых, здесь используются не отдельные источники доказательств, а вся их совокупность, включая заключения различных экспертиз. Во-вторых, используя доказательства при допросе обвиняемого, следователь, как правило, может воспользоваться наиболее действенным способом реализации доказательственной информации — непосредственным предъявлением (демонстрацией) различных доказательств допрашиваемому.

Возможны два пути реализации следователем имеющейся у него совокупности доказательств для разоблачения и преодоления установки обвиняемого на ложь. С одной стороны, это предъявление доказательств на ряде последовательно следующих друг за другом допросов, а с другой — всей совокупности собранных доказательств на одном из допросов обвиняемого, специально предназначенном для его изобличения. Как показывает практика, оба этих способа предъявления доказательств обвиняемому, отрицающему свою виновность, достаточно эффективны и нельзя давать жестких рекомендаций, предписывающих обязательное использование во всех сходных случаях какого-то одного из них. Окончательное решение всегда должно оставаться за следователем, учитывающим при принятии решения совокупность факторов и их специфическое для каждого случая взаимодействие. Ограничимся констатацией самых общих положений.

Представляется, что принятие решения о последовательном предъявлении системы доказательств на ряде допросов может быть вызвано как одной, так и сочетанием нескольких причин, перечисленных ниже: многоэпизодностью дела, не позволяющей одновременно на одном из допросов рассмотреть все эпизоды преступной деятельности; индивидуальными психологическими особенностями обвиняемого, на которого воздействует не столько предъявление доказательств, сколько сама процедура их реализации; наконец, иными тактическими соображениями следователя, относящимися к различным и весьма специфичным обстоятельствам каждого конкретного дела.

При расследовании уже упоминавшегося дела о хищении денежных средств и взяточничестве в системе роно бывший директор Дома пионеров Коридалина первоначально упорно отрицала совершение преступления, заключавшегося в выписке денежных сумм на подставных, фактически не работавших лиц, присвоении и передаче части похищенных денежных сумм в виде взяток главному бухгалтеру роно Рыгалиной, знавшей о совершаемом хищении и принимавшей меры по его сокрытию.

Первоначально было решено сконцентрировать усилия следствия на доказывании фактов хищения и временно не беседовать с Коридалиной о случаях передачи взяток. Такой план обусловливался тем, что при доказанности многочисленных случаев хищения Коридалина, очевидно, не захочет «брать» на себя денежные суммы, которыми воспользовались другие участники преступления. Кроме того, акцентировать тогда внимание виновных на взяточничестве было преждевременно.

Тщательным образом был изучен психологический и нравственный облик Коридалиной. Последняя ранее судима не была, положительно характеризовалась по работе, была чрезвычайно самолюбива, ревностно относилась к своему авторитету. Она относилась к числу эмоционально возбудимых и остро переживающих ситуацию расследования людей, чья психологическая неустойчивость могла привести к нервному срыву, нарушению контакта и отказу давать показания. Вместе с тем такие лица нередко склонны к углубленному самоанализу, в процессе которого в результате переоценки

сложившейся ситуации и приведенных следователем аргументов их виновности они могут прийти к выводу о необходимости отказа от ложной позиции. Учитывая, что в данном случае движущим мотивом к даче правдивых показаний выступает не столько внешнее воздействие, сколько внутренний голос совести и раскаяние, следователь должен относиться с тактом к переживаниям допрашиваемого и не форсировать события. Однако он должен последовательно разоблачать ложь, создавать обстановку, при которой обвиняемый не может больше скрывать правду.

После тщательной подготовки к допросам и сбора доказательств виновности по ряду эпизодов следователь стал периодически — два раза в неделю — вызывать Коридалину на допросы и на каждом из них допрашивать ее по одному из случаев хищения. Структура всех этих допросов была одинаковой. Сначала обвиняемой предлагалось дать показания о работе определенного фиктивно оформленного лица. Допрашиваемая утверждала, что это лицо фактически работало и довольно путанно рассказывала о его деятельности. После фиксации этих показаний Коридалиной оглашались показания соответствующего свидетеля (иногда проводилась очная ставка), из которых следовало, что указанное лицо в Доме пионеров не работало, никаких работ для него не выполняло, денег не получало и подпись в платежной ведомости не его. Затем Коридалиной были предъявлены платежные ведомости и заключение почерковедческой экспертизы о том, что подпись за определенное лицо выполнена не им. Тогда Коридалина стала утверждать, что это лицо действительно не работало, а полученные ею деньги истрачены на производственные нужды. Допрашиваемой предлагалось подтвердить расходы документами или свидетельскими показаниями, что она непременно обещала сделать на следующем допросе, но обычно сколько-нибудь убедительных доводов о расходовании денег привести не могла. Иногда она ссылалась на отдельных сотрудников Дома пионеров, но при их допросе выяснялось, что подтвердить расходование денег на производственные нужды они не могут, а согласились дать ложные показания по просьбе Коридалиной из жалости к ней.

Опровергая объяснения, следователь старался дать понять Коридалиной, что считает ее неискренность лишь

временной и надеется в дальнейшем получить от нее правдивые показания. С каждым допросом волнение Коридалиной усиливалось, было заметно, что складывающаяся ситуация все более тяготит ее и она готова сделать признание. Однако было решено не ускорять событий и не показывать Коридалиной заинтересованности в получении от нее показаний о передаче взяток. Поэтому указанный вопрос перед ней по-прежнему не ставился, продолжалось последовательное выяснение эпизодов хищения. Чувствовалось, что Коридалиной было крайне неловко в связи с нелепостью даваемых ею объяснений перед следователем, который был с ней подчеркнуто корректен. Вскоре на одном из допросов обвиняемая заявила, что больше так продолжаться не может, и спросила, когда же ей будет поставлен вопрос о передаче денег Рыгалиной. Когда следователь попросил ее рассказать об этом, Коридалина дала развернутые правдивые показания как о хищении, так и о передаче взяток Рыгалиной, которая, зная и покрывая совершаемые в Доме пионеров хищения, систематически вымогала взятки.

Однако следователям чаще приходится иметь дело с обвиняемыми, у которых борьба мотивов «за» и «против» признания, их нравственные переживания носят менее острый характер, в силу чего их внутренняя позиция, направленная на непризнание вины, более устойчива. В этих случаях акцент в работе следователя должен быть перенесен на максимальную воздейственность предъявления доказательств, на последовательное разоблачение лжи и постепенное формирование новой установки, связанной с дачей правдивых показаний. Как показывает изучение следственной практики, в решении этой сложной задачи имеется много недостатков. К числу наиболее типичных из них относятся следующие: 1) поспешность в предъявлении доказательств, когда следователем еще не собрана их совокупность, доказательства должным образом не исследованы, не оценено до конца их значение и не продумана оптимальная система их реализации на допросах; 2) организационные и тактические недостатки в предъявлении имеющейся у следователя совокупности изобличающих обвиняемого доказательств: отсутствие четкой тактической линии в использовании доказательств, неправильная последовательность их предъявления, из-

брание неоптимальных способов реализации доказательственной информации при допросах и т. п. Необходимо постоянно помнить, что успех в использовании доказательств с целью разоблачения ложной позиции определяется не только тем, какие доказательства предъявляются следователем, но и как, какими конкретными способами реализуется этот тактический прием. Насколько избранные следователем методы (способы) предъявления доказательств соответствуют индивидуальным особенностям допрашиваемого, тактической ситуации на определенный момент расследования конкретного дела и имеющимся в распоряжении следователя доказательствам, насколько они оптимальны.

Существует мнение о предпочтительности использования доказательств для изобличения дающих ложные показания обвиняемых в порядке их возрастающей доказательственной силы[9]. Сначала предъявляются менее значимые доказательства, затем — более значимые и, наконец, вводятся решающие доказательства, свидетельствующие о совершении расследуемого преступления конкретным лицом. Такая тактическая рекомендация имеет значение как для случаев предъявления системы доказательств на одном допросе, специально избранном следователем для изобличения обвиняемого, так и для ситуации постепенного использования доказательств на ряде последовательных, связанных логикой доказывания допросов. Наиболее веские доказательства приберегаются следователем к завершающему допросу, которому придается решающее значение.

В этом отношении весьма показательны действия следователя при расследовании уголовного дела по обвинению Лучкина Владимира в умышленном убийстве при отягчающих обстоятельствах Свечко и Громовой, а также в совершении двух краж — охотничьего ружья, из которого в дальнейшем было совершено убийство Свечко, и личных вещей из автомашины.

Убийство было совершено в районе речки Пуска, в прилегающих к ней кустах. Свечко были причинены огнестрельные и ножевые ранения, Громовой — несколько ушибленных ран головы, вызвавших переломы костей черепа, и ножевых ранений. Тщательный осмотр места происшествия позволил обнаружить землянку, в которой находились различные предметы, в том числе

тетрадь по русскому языку ученицы 4-го класса 64-й семилетней школы Лучкиной Ольги, сестры обвиняемого. В двадцати метрах от землянки в кустах были обнаружены охотничье ружье с боеприпасами, а неподалеку под мхом — металлический ломик-монтировка.

Проведенным на квартире Лучкиных обыском были обнаружены личные вещи Лучкина Владимира со следами крови. Кроме того, обнаружены и изъяты восемь самодельных ножей, боеприпасы и различные части от огнестрельного оружия, а также принесенные Лучкиным Владимиром вещи и предметы, в том числе безразмерные мужские носки бордового цвета с полосками, банка из-под крема «Снежинка», принадлежавшие потерпевшим. Выяснилось, что Владимир выстроил в районе места происшествия землянку и часто там рыбачил. После обыска он был задержан по подозрению в совершении убийства Свечко и Громовой.

На допросах в качестве подозреваемого Лучкин Владимир сравнительно легко признал себя виновным в кражах вещей из автомашины, а также охотничьего ружья. Правда, о ружье он дал ложные показания, заявив, что за полтора месяца до задержания случайно утопил его в реке Гауя. Однако участие в убийстве задержанный упорно отрицал. Более того, сначала он отрицал факт постройки землянки и свое пребывание на рыбалке в день убийства, утверждая, что приехал на речку Пуска лишь на следующий день.

Тщательно продумав и спланировав допросы подозреваемого, следователь на пяти допросах последовательно опроверг приведением аргументов и предъявлением доказательств часть ложных показаний. В частности, Лучкин вынужден был признать, что обнаруженная в районе места происшествия землянка вырыта им и что он был на речке Пуска во время совершения там убийства. Этим следователь решил несколько задач: частично преодолел установку Лучкина на дачу ложных показаний, по времени и месту «привязал» его к убийству и тем самым создал благоприятные условия для изобличения подозреваемого в совершении этого преступления, убедил в способности следствия собрать изобличающие его в преступлении доказательства.

Решающий допрос Лучкина был приурочен к предъявлению обвинения. Приводимый ниже фрагмент до-

проса свидетельствует о тактике использования доказательств следователем. Следует отметить, что на этом допросе использовались наиболее веские из собранных доказательств.

Вопрос. Вам предъявляется флакончик с белым кристаллообразным содержимым, упакованный в полиэтиленовый прозрачный кулек и опечатанный сургучной печатью. На бирке имеется надпись: «Соль во флаконе из-под крема «Снежинка», изъятая на квартире Лучкиных в г. Риге по ул. Вельмес, д. 2, кв. 1». Что вы можете сказать по этому поводу?

Ответ. Данная баночка из-под крема «Снежинка» мне знакома. Я нашел ее в воскресенье, 26 июня, на берегу озера в устье речки Пуска. В баночке было немного соли. Часть имевшейся у меня соли я досыпал в найденную баночку, а затем увез ее с собой в Ригу. Дома я оставил баночку с солью в рюкзаке. Это и есть та самая баночка, которую мне сейчас показали.

Вопрос. Что вы еще нашли?

Ответ. Ничего, кроме баночки.

Вопрос. У вас дома изъяты мужские безразмерные носки бордового цвета с сероватым орнаментом. Со слов вашего отца и братьев эти носки им не принадлежат. Где вы их приобрели?

Ответ. Я их нашел 26 июня, в воскресенье вечером в том месте, где и баночку с солью. Они в метрах трех от баночки мокрые лежали на траве, и я их взял для себя.

Вопрос. Вначале вы дали одни показания, затем другие. Чем объяснить такое противоречие?

Ответ. Про носки я забыл, но когда вы мне об этом напомнили, то вспомнил, что и их нашел.

Вопрос. В прошлый раз вы дали показания о том, что утопили ружье в реке Гауя. Следствие располагает другими данными. Дайте показания, где же это ружье?

Ответ. Да, ружье в реке Гауя я не утопил, а спрятал его возле землянки на речке Пуска, под кустом. Ружье вместе с боеприпасами и другими принадлежностями, в том числе масленками и шомполом, завернуто в мой хлорвиниловый плащ.

Вопрос. Вы обвиняетесь в совершении убийства на речке Пуска. Дайте по этому поводу показания.

Ответ. То, что я совершил два убийства на речке Пуска, я признаю.

Так, на первый взгляд внешне просто без видимых усилий со стороны следователя сознался в убийстве Лучкин. Однако этому признанию предшествовала большая и напряженная работа следователя по обнаружению, изъятию и исследованию доказательств, по планомерному тактически обоснованному использованию их на шести допросах Лучкина с предъявлением на последнем допросе наиболее веских из них.

Хотя предъявление при допросе подозреваемых и обвиняемых с целью преодоления их ложных показаний совокупности изобличающих в совершении преступления доказательств в порядке их возрастающей силы является наиболее распространенным способом реализации доказательств, возможна и иная последовательность их использования. В отдельных случаях, когда следователь имеет дело с впервые совершившим преступление лицом, остро переживающим содеянное и сложившуюся ситуацию расследования, когда это лицо в силу своей прежней правдивости и угрызений совести предрасположено к отказу от ложной позиции и когда речь идет об одном эпизоде преступной деятельности, имеет смысл сначала предъявить наиболее веское доказательство, например показания свидетеля-очевидца по делу об убийстве, а затем, используя его воздействие, менее значимые доказательства, например косвенные. Такой порядок тактически более прост и вместе с тем экономит время и усилия следователя. Однако при нем следователь сразу же раскрывает значение и характер имеющихся у него доказательств, что может иметь нежелательные последствия при допросе опытного преступника.

Как показало изучение практики, при разоблачении установки обвиняемых по одноэпизодным делам обычно следователи предпочитают использовать имеющуюся у них совокупность доказательств на одном из допросов. Это позволяет с большей эффективностью использовать элемент внезапности предъявления доказательств и повышает воздейственность этого тактического приема на недобросовестных лиц. По мнению Л. М. Карнеевой, «предъявление доказательств изолировано одно от другого с большими интервалами во времени, как правило, психологически неэффективно. Знакомясь с каким-либо одним доказательством, не подкрепленным другими, обвиняемый обычно пытается привести

свои показания в соответствие с предъявленным ему новым материалом. Поэтому в ходе допроса ему следует предъявлять не отдельные доказательства, а определенную совокупность их, связанных между собой»[10].

Изобличение виновного производится на специально предназначенном для этого допросе, после того как следователь получил совокупность доказательств, уличающих обвиняемого в совершении преступления. При этом необходимо стремиться к тому, чтобы допрос проводился по основным обстоятельствам преступления и каждый из выясняемых вопросов подтверждался имеющимися в распоряжении следователя доказательствами. Выяснение обстоятельств преступления обычно целесообразно вести от менее к более существенным, а от них — к главному (совершению преступления обвиняемым), что позволит логикой фактов постепенно подвести обвиняемого к необходимости переосмыслить занимаемую им ложную позицию и признать свою виновность.

Следственная практика располагает многочисленными случаями успешного использования на отдельном допросе отрицающего вину обвиняемого совокупности доказательств. Поясним сказанное примером.

В ночь на 21 декабря в подъезде дома в бессознательном состоянии был обнаружен гр-н Змановский. Доставленный в больницу, он, не приходя в сознание, скончался. Согласно заключению судебно-медицинской экспертизы, смерть Змановского наступила в результате перелома свода и основания черепа с ушибом головного мозга. На голове и лице потерпевшего имелись ушибленные раны. Указанные телесные повреждения могли образоваться при падении с высоты. На основании этого заключения был сделан вывод о том, что находившийся в сильном алкогольном опьянении Змановский по собственной неосторожности упал с лестницы, ударился о бетонный пол затылком и получил смертельные телесные повреждения. Дело было прекращено.

В дальнейшем были получены данные, свидетельствующие о том, что непосредственно перед происшествием Змановский вместе с Тимофеевым и Старовыборным распивал в подъезде дома спиртное. Последние отрицали всякую причастность к смерти потерпевшего. Возникла необходимость проверки этой версии, в связи с чем по делу было проведено дополнительное расследование. Следствием было установлено, что перед па-

дением Змановский стоял на третьей ступеньке лестницы (примерно на высоте около полуметра от бетонированного пола нижней площадки) и пытался пройти наверх. Перед ним находился Тимофеев, загораживающий ему дорогу и не пропускавший его. Между ними возникла ссора. Момент падения свидетели не видели. По делу была назначена дополнительная комиссионная судебно-медицинская экспертиза, которая пришла к выводу о том, что повреждения на лице потерпевшего не характерны для падения. В связи с изложенными обстоятельствами возникла необходимость в эксгумации трупа и в проведении комиссией экспертов кафедры судебной медицины 1-го Московского медицинского института дополнительной экспертизы. Перед комиссией был поставлен важнейший для установления истины вопрос: предшествовало ли падению Змановского ускорение от толчка или удара либо полученные им повреждения головы образовались при непроизвольном падении? На основании исчисления силы удара, от которого образовался перелом черепа потерпевшего, комиссионная экспертиза дала категорическое заключение о том, что падению Змановского предшествовало ускорение от толчка или удара.

После этого был еще раз допрошен Тимофеев с предъявлением имевшихся по делу доказательств в порядке их нарастающей силы.

Вопрос. Следствие располагает доказательствами, что в подъезде дома между вами и Змановским произошла ссора. Что вы можете рассказать по этому вопросу?

Ответ. Нет, между нами не было ни ссоры, ни драки.

Вопрос. Свидетели — жильцы подъезда Пайдере и Куклис — дали показания, что около двух часов ночи между тремя мужчинами, которые находились в подъезде, произошла ссора, возник какой-то конфликт. Затем один из них — в темном пальто и шапке — стал подниматься по лестнице, остановившись на третьей ступеньке. Мужчина в оранжево-белой куртке, в которой вы были одеты, загородил ему дорогу и несколько раз повторил: «Не ходи туда!» Третий мужчина стоял в это время внизу на нижней площадке. Затем мужчина, пытавшийся подняться наверх, упал навзничь. Так ли все было?

Ответ. Да, в принципе так. Змановский стал подниматься по лестнице и остановился на третьей ступень-

ке снизу. Я стоял на площадке первого этажа. Старовыборный был внизу. Я не хотел почему-то, чтобы Змановский шел наверх и сказал раза два: «Не ходи туда!» Затем Змановский как-то повернулся и упал. Я его не трогал. Вообще мы в подъезде не дрались и не ссорились.

Вопрос. На допросах свидетели — жильцы дома — показали о многочисленных следах крови, обнаруженных после происшествия во втором подъезде. Так, свидетель Алексеенкова пояснила, что, когда ночью она зашла вместе с вами во второй подъезд (обвиняемый сначала ушел с места происшествия, затем возвратился, чтобы попросить жильцов вызвать скорую помощь к «случайно обнаруженному им потерпевшему»), потерпевший лежал у лестницы, а сразу же за входной дверью, в тамбуре, была лужа крови. Как вы это объясните?

Ответ. Я за первой дверью подъезда крови не заметил.

Вопрос. Вам предъявляется заключение комиссионной судебно-медицинской экспертизы № 5-901 от 25 января — 15 февраля 1977 г. , согласно которому группа повреждений в задней области головы потерпевшего образовалась от его падения и удара головой о площадку, а повреждения на лице — кровоизлияние в нос, ссадины на спинке носа, подбородке, кровоподтеки на лице — не характерны для падения. На основании показаний свидетелей о ссоре в подъезде и следах крови за его дверью, а также заключения экспертизы следствие делает вывод о том, что Змановскому нанесли удары уже за первой дверью при входе в подъезд. Затем он хотел уйти наверх, но вы его не пускали. Расскажите правду, как все происходило, кто и за что бил Змановского?

Ответ. Да, действительно, после того как мы зашли в подъезд, за первой его дверью почему-то возникла какая-то перепалка между Змановским и Старовыборным. Я даже не понял, почему они поссорились. Змановский и Старовыборный нанесли друг другу удары по лицу. Я в это время пил из горлышка вино. Змановский случайно или специально толкнул меня локтем. В ответ я нанес ему удар кулаком по носу. У него пошла из носа кровь. Он наклонился, чтобы кровь не попала на одежду, и она стала капать на пол. Я точно не помню, в какое место на пол капала кровь и какая по размеру образовалась лужа. Но кровотече-

ние из носа было довольно сильным. Открыв вторую дверь подъезда, мы остановились около лестницы. Змановский стал подниматься наверх и дошел примерно до третьей ступеньки. Старовыборный остался на нижней площадке. Я еще до Змановского поднялся на площадку первого этажа, чтобы включить свет, затем стал спускаться. Увидев поднимавшегося Змановского, я попросил его этого не делать. Насколько я помню, просто не хотел, чтобы он поднимал шум,— ведь я его перед этим ударил да и со Старовыборным они подрались. Я сказал Змановскому раза два: «Не ходи туда!» Он, видимо, оступился и упал навзничь, ударившись головой о нижнюю площадку. Я его перед падением не бил и не толкал.

Вопрос. Уверены ли вы, что не били и не толкали Змановского?

Ответ. Да, я это хорошо помню. Я просто не хотел, чтобы он шел наверх. И совсем не хотел, чтобы Змановский упал и разбился.

Вопрос. Вам предъявляется заключение дополнительной комиссионной судебно-медицинской экспертизы (к акту № 67 судебно-медицинского исследования трупа Змановского) кафедры судебной медицины 1-го Московского медицинского института. Согласно данному заключению, падению гр-на Змановского с третьей ступени лестницы предшествовало ускорение от толчка или удара. Поясните, так ли это было? Не наносили ли вы ударов Змановскому, от которых он упал?

Ответ. Да, действительно я не хотел, чтобы Змановский поднимался наверх. Боялся, что он будет звонить в какую-либо квартиру, поднимет шум из-за того, что его били. Я ему сказал: «Не ходи туда!» Змановский остановился примерно на третьей ступеньке снизу, но вниз не шел. Тогда я ладонью правой руки уперся ему в грудь около шеи и толкнул. Змановский упал навзничь и ударился головой о бетонную нижнюю площадку. Я и Старовыборный испугались и ушли, но затем вернулись. Я увидел, что у Змановского задняя часть головы, волосы в крови. Я решил, что нельзя его оставлять в таком состоянии. Поэтому по моей инициативе мы со Старовыборным позвонили в квартиру на первом этаже соседнего подъезда и попросили вызвать скорую помощь.

Как показало проведенное изучение, предъявление доказательств является также действенным средством

разоблачения и преодоления установки на сокрытие от органов следствия истины со стороны лжесвидетелей [11]. По нашим данным, преимущественными причинами лжесвидетельства могут быть стремление лиц, имеющих косвенное отношение к событию преступления (нередко они ошибочно оценивают свое поведение как виновное), избежать уголовной ответственности или обусловленное различными причинами желание помочь обвиняемому избежать ответственности или смягчить ее. Знание конкретной причины, вызвавшей дачу ложных показаний свидетелем,— обязательная предпосылка разоблачения лжесвидетельства и отправной момент построения тактики допроса этого лица.

По результатам выборочного исследования следователями принимались меры к разоблачению лжесвидетельства в 75% от общего числа такого рода случаев. Преимущественно эти меры сводились к допросу лжесвидетелей с предъявлением изобличающих их в даче ложных показаний доказательств [12] или к производству с той же целью очных ставок. Причем действенными оказались эти меры в отношении более чем 60% лжесвидетелей, с которыми проводилась работа по разоблачению ложных показаний. Процент отказа лжесвидетелей от прежней негативной позиции по делу под влиянием проведения очных ставок и предъявления доказательств на их допросах достаточно высок. Он опровергает бытующую среди некоторых следователей недооценку возможности с их стороны действенного влияния на лжесвидетелей, проявляющуюся в том, что к каждому четвертому лжесвидетелю вообще не принималось никаких мер для его изобличения в даче ложных показаний.

В. Использование доказательств при допросе лиц, дающих ложные показания по отдельным эпизодам или обстоятельствам преступления, в совершении которого они признались

На практике нередко приходится встречаться с ситуациями частичного признания обвиняемым (подозреваемым) своей вины, когда на фоне общего правдивого поведения они пытаются скрыть от следствия отдельный эпизод (эпизоды) преступной деятельности или некоторые обстоятельства преступления. Побуди-

тельные причины к такому образу действий могут быть различными: желание облегчить ответственность, стремление выгородить соучастника, нежелание разглашать интимные обстоятельства личной жизни, утаивание своих неблаговидных поступков и т. д.

В отличие от установки на непризнание вины, свидетельствующей об упорном нежелании допрашиваемого способствовать следователю в установлении истины, в данном случае диаметральная противоположность в устремлениях следователя и обвиняемого при расследовании дела отсутствует. Последний практически уже встал на путь признания, переосмыслив и изменив свою первоначальную негативную установку по делу. В происходящей в сознании обвиняемого борьбе мотивов начинают преобладать те из них, которые ведут к правдивому поведению на следствии.

Это свидетельствует также и о том, что самому допрашиваемому далеко не безразличны приводимые следователем аргументы и предъявляемые доказательства, а также оценка им совершенного правонарушения и поведения обвиняемого на следствии. Отмеченные обстоятельства создают более благоприятные условия для установления истины. Поэтому для разоблачения ложных показаний по отдельным эпизодам или обстоятельствам преступления не всегда требуется обязательное использование совокупности доказательств, что обычно имеет место при преодолении негативной установки подозреваемого и обвиняемого. Нередко бывает достаточно предъявить допрашиваемому отдельные, не представляющие системы или даже единичные важные доказательства. При этом с учетом психологической предрасположенности такого рода обвиняемых к общению со следователем и к восприятию приводимых им доводов и аргументов, основанных на предъявленных при допросе доказательствах, имеет смысл при проведении рассматриваемого тактического приема разъяснить допрашиваемому их процессуальное значение и место в структуре доказывания.

В этом отношении заслуживают внимания действия следователя по делу Азина, которому инкриминировались три эпизода изнасилования, совершенных в одном и том же месте — между платформой железной дороги и поселком — на протяжении полутора месяцев и характеризующихся одинаковым способом действий пре-

ступника при нападении на потерпевших. Обвиняемый был задержан гражданами при совершении последнего преступления на месте происшествия. Однако, признав два из трех эпизодов преступлений, вменяемых ему при предъявлении обвинения, Азин упорно отрицал свою виновность в изнасиловании К. Между тем потерпевшая хорошо запомнила преступника, на допросе описала одежду насильника и его приметы, а затем опознала. Располагая отдельными доказательствами, свидетельствующими о виновности Азина в этом преступлении, следователь решил их использовать при допросе, сочетая предъявление доказательств с приведением основанных на материалах дела аргументов. Проиллюстрируем сказанное фрагментом из допроса Азина.

Вопрос. Вам предъявляются для ознакомления показания свидетелей Сидорова и вашей жены Пеговой, из которых видно, что вы с женой отвозили в ремонт телевизор Сидорову не 15, а 16 сентября с. г. Свидетель Сидоров также пояснил, что ремонтировал телевизор вечером того же дня в вашем присутствии, после чего вы с женой взяли телевизор и уехали домой около 22 час. 30 мин. Такие же показания даны вашей женой. Следовательно, у вас нет алиби относительно изнасилования К. около 22 час. 15 сентября с. г. Что вы делали в это время?

Ответ. Возможно, я напутал с датой ремонта телевизора, но преступления вечером 15 сентября не совершал. Где был в это время, сказать затрудняюсь, так как забыл.

Вопрос. Что вы можете сказать по поводу того, что К. опознала вас за лицо, совершившее ее изнасилование вечером 15 сентября с. г.?

Ответ. Здесь, может быть, произошла ошибка, например я чем-то похож на преступника или потерпевшая где-то видела меня раньше.

Вопрос. Чем вы объясните тот факт, что ни раньше, ни после вашего ареста по данному делу подобных преступлений в указанном районе не совершалось?

Ответ. Могло быть и случайное совпадение: два преступления совершил я, а К. изнасиловал кто-то другой.

Вопрос. Конечно, совпадения допустимы, но когда таких совпадений несколько, это уже не случайности, а улики вины. Вот еще одно такое обстоятельство. Чем вы объясните, что во всех трех случаях преступник

при нападении действовал одним и тем же способом?

Ответ. Пожалуй, действительно слишком много необъяснимых совпадений и нет смысла дальше скрывать вину: К. тоже изнасиловал я.

Вопрос. Почему вы так упорно скрывали этот эпизод? Что вас удерживало от признания?

Ответ. После совершения насилия я обнаружил в кармане потерпевшей кошелек, который взял с собой. Однако кроме проездного билета и мелочи в нем ничего не было. Мне не хотелось отвечать и за грабеж.

В практике встречаются случаи, когда подозреваемые, обвиняемые или заинтересованные свидетели при даче в целом правдивых показаний скрывают определенные обстоятельства преступления. Такая ситуация показывает, что в силу различных причин определенным скрываемым обстоятельствам придается особое значение. Чаще всего скрываются важные обстоятельства, усугубляющие ответственность виновного лица, реже — различные факты аморального поведения допрашиваемого как до, так и в ходе преступления.

Разоблачение такого рода ложных показаний предполагает знание следователем причин, в силу которых в основном правдивое лицо скрывает отдельные обстоятельства. Знание непосредственных мотивов лжи — предпосылка, но еще не гарантия установления истины. Для этого необходимо предъявить доказательства и привести аргументы, опровергающие ложную часть показаний. Особую значимость в этом плане приобретают показания соучастников преступления, а также авторитетных для допрашиваемого свидетелей. Демонстрация такого рода показаний при допросе подозреваемых, обвиняемых, лжесвидетелей, скрывающих важные обстоятельства преступления, обычно сразу же ведет к изменению их показаний в сторону правдивости. Так, по упоминавшемуся выше делу Лучкина Владимира его брат Александр, давший в целом правдивые показания, упорно скрывал то обстоятельство, что ему известно о строительстве обвиняемым в районе речки Пуска землянки, в которой обвиняемый ночевал и хранил свои вещи. Следователь об указанном обстоятельстве получил показания от третьего брата — Лучкина Юрия и двоюродного брата — Овсянникова Александра, проживавшего в семье Лучкиных и проводившего свободное время со своими родственниками. Использо-

вав эти показания при допросе Лучкина Александра, следователь получил от него правдивые показания и по поводу землянки, и о причинах сокрытия допрашиваемым этого обстоятельства.

Вопрос. На предыдущих допросах вы утверждали, что брат Владимир о построенной им землянке в районе реки Пуска ничего не рассказывал и вам ничего не известно о ней. Однако другие ваши братья Лучкин Юрий и двоюродный — Овсянников Александр дали по данному вопросу иные показания (оглашаются выдержки из протоколов допросов). Почему вы скрыли это обстоятельство?

Ответ. Я не давал правдивых показаний в отношении того, что брат Владимир вырыл в районе реки Пуска землянку только потому, что не желал усугублять его положение. Я знал о том, что, уезжая на рыбалку, он взял с собой ружье и будет его хранить или в самой землянке, или где-то поблизости. Впервые я узнал о землянке от Владимира 30 июня по возвращении его домой. 2 июля, когда я приехал в Лиласты на речку Пуска, где уже рыбачил Владимир, Юрий и Александр Овсянников, Владимир показал мне землянку. О том, что ружье и разные вещи спрятаны в районе землянки, он мне не рассказывал, но я это предполагал.

Случаи предъявления при допросе отдельных доказательств сравнительно редки и преследуют, как правило, ограниченные цели получения правдивых показаний от лиц, скрывающих отдельные обстоятельства в целом признаваемого ими преступления. При этом необходимо учитывать процессуальное и тактическое значение используемых доказательств. Если определенный источник содержит незначительный объем доказательственной информации, если она относится к второстепенным обстоятельствам преступления или не имеет важного тактического значения, его использование бесперспективно. Напротив, предъявление важных доказательств — признания соучастников, показаний свидетелей-очевидцев и т. д. — нередко ведет к изменению показаний в сторону правдивости. Психологическая воздейственность предъявления важного доказательства усиливается при использовании фактора внезапности.

Как показало изучение, предъявление при допросе отдельного важного доказательства в ряде случаев

может предотвратить изменение показаний или отказ от них обвиняемого, ранее признававшего вину и дававшего правдивые показания. Эффективность такого приема значительно возрастает, когда используются вещественные доказательства и документы, раскрывающие мотивы поведения допрашиваемого. Так, Васькин — соучастник убийства, совершенного по предварительному сговору с Масловой, ранее признавший себя виновным и давший правдивые показания о роли каждого из обвиняемых в преступлении, решил взять ответственность за преступление полностью на себя. С этой целью он написал Масловой записку, которая была изъята и приобщена к делу. Узнав о случившемся, следователь сразу же вызвал Васькина на допрос и, сославшись на изъятую записку, предложил допрашиваемому объяснить свое поведение. Этого было достаточно, чтобы обвиняемый отказался от прежнего замысла изменить показания.

III. Тактические особенности использования доказательств при добросовестном заблуждении допрашиваемого

Как отмечалось выше, предъявление доказательств на допросе используется также и для восстановления ассоциативных связей при добросовестном заблуждении допрашиваемого, вызванном забыванием ранее воспринятых им обстоятельств преступления.

В этом случае следователю уже не противостоит недобросовестное лицо, заинтересованное в искажении истины. Это обстоятельство, естественно, облегчает и упрощает работу следователя по подготовке и предъявлению доказательств при допросе. В частности, при допросе заблуждающегося лица, правдивость которого не вызывает сомнений, как показывает практика, может быть с успехом использовано отдельное доказательство. Однако предъявление доказательств при таком допросе имеет свои особенности, которые следователь не может не учитывать.

Прежде всего необходимо иметь в виду, что при предъявлении доказательств с целью устранения пробелов в памяти решающее значение приобретает вза-

имосвязь между предъявленным доказательством и подлежащим уточнению обстоятельством в показаниях, позволяющая восстановить соответствующие ассоциации и припомнить забытое. Поскольку эту задачу могут выполнить не все источники доказательств, возникает потребность в их подразделении. Обращает на себя внимание, что одни из них, например показания свидетелей-очевидцев, большинство документов, вещественные доказательства, **непосредственно** связаны с исследуемыми на допросе обстоятельствами и в силу этого могут способствовать припоминанию забытого. Здесь прослеживается прямая непосредственная взаимосвязь между предъявляемыми вещественными доказательствами, документами, показаниями, с одной стороны, и определенными обстоятельствами показаний добросовестно заблуждающегося лица — с другой. Объективно существовавшие в момент совершения преступления взаимосвязи между предметами объективной действительности и действиями виновного лица, первоначально воспринятые как целостная картина, но затем забытые (или ошибочно интерпретированные) допрашиваемым, могут явиться основой для возникновения ассоциаций и последующей корректировки показаний в плане их достоверности.

Напротив, другие источники доказательств, в частности большинство протоколов следственных действий, акты экспертиз, по своему характеру являются вторичными, а заключенные в них фактические данные базируются на первичных источниках и материалах. Например, заключение криминалистической экспертизы основывается на экспертном исследовании вещественных доказательств и документов. Такого рода вторичные источники доказательств, поскольку они опосредствованно связаны с событием и обстоятельствами преступления, в большинстве случаев не пригодны для восстановления ассоциативных связей. Поэтому круг источников доказательств, используемых при допросе с целью устранения добросовестного заблуждения, будет у́же, чем в ситуациях, связанных с разоблачением ложных показаний допрашиваемого.

На практике иногда возникает вопрос: правомерно и целесообразно ли использовать для активизации ассоциативных связей протоколы следственных действий, например протокол осмотра вещественного доказательства или документа, если в нем детально отражены приз-

наки соответствующих объектов? В принципе каких-либо противопоказаний к предъявлению протоколов следственных действий при допросе добросовестно заблуждающихся лиц не существует, и поэтому такого рода действия следователя, естественно, не могут рассматриваться как неправомерные. Однако при возможности выбора предпочтительнее предъявлять сами вещественные доказательства и документы, а не протоколы их осмотра, поскольку как бы ни были квалифицированно проведены эти следственные действия и тщательно ни зафиксированы их результаты они не в состоянии отразить всего многообразия исследуемых явлений. Кроме того, непосредственное представление самих вещественных доказательств и документов позволяет допрашиваемому более полно воспринимать и анализировать их признаки и свойства, что особенно важно для оживления ассоциаций.

Наиболее часто на предварительном следствии для восстановления ассоциативных связей при допросе добросовестно заблуждающихся лиц используется предъявление вещественных доказательств и документов. Это объясняется особым значением такого их качества, как наглядность. Аналогичные результаты достигаются путем демонстрации при допросе дополнительных средств фиксации — фонограмм, фотоснимков, схем, чертежей, слепков, которые являются приложениями к протоколам следственных действий.

Другая особенность использования доказательств с целью устранения добросовестного заблуждения допрашиваемого относится к способам реализации доказательственной информации. Если при разоблачении ложных показаний допустимо как непосредственное, так и опосредствованное использование доказательств, то при устранении добросовестного заблуждения целесообразнее демонстрировать добросовестно заблуждающемуся лицу имеющиеся у следователя доказательства, а не ссылаться на их наличие.

При предъявлении на допросе доказательств, и прежде всего при допросе добросовестно заблуждающихся лиц, нельзя недооценивать опасность их внушающего воздействия. Психологи отмечают, что внушаемость в различной мере свойственна всем людям и что эффект внушения во многом зависит от того, какая информация используется при беседе. Установлено, что побу-

дительная информация (в виде совета, приказа, разрешения, запрещения и т. д.) потенциально более внушающая, чем констатирующая (сообщение о фактах). Объясняется это тем, что «побудительная информация непосредственно побуждает к действию или воздержанию от него; при констатирующей — окончательный толчок к действию или воздержанию сохраняется за самим информируемым индивидом» [1].

Отмеченное обстоятельство, как на это справедливо указывалось А. Р. Ратиновым, Т. А. Скотниковой и др., обязательно должно учитываться следователем при допросе, и в первую очередь в его кульминационный момент, обусловленный предъявлением доказательств. С целью нейтрализации внушающего воздействия следователю необходимо полностью исключить сообщение допрашиваемому побудительной информации. Для этого при предъявлении доказательств необходимо ограничиться лишь предложением в общей форме допрашиваемому дать пояснения по поводу представленного ему доказательства. Желательно, чтобы при этом комментарий следователя был сведен к минимуму сообщаемой о доказательстве исходной информации и объяснял бы лишь относимость доказательства к делу и отношение к предмету допроса. Недопустимо при допросе добросовестно заблуждающегося лица давать оценку значению предъявленного доказательства, излагать свое мнение по поводу обсуждаемого обстоятельства и т. п. Оценка представленного доказательства и окончательное формулирование в связи с этим показаний по рассматриваемому обстоятельству должны быть произведены самим добросовестно заблуждающимся лицом без всякого воздействия и нажима со стороны следователя.

Готовясь к предъявлению доказательств на допросе добросовестно заблуждающегося лица, следователь должен избрать наиболее благоприятствующую эффективному применению этого приема тактику допроса. Целесообразно ограничить допрос рассмотрением только тех обстоятельств, которые вызвали добросовестное заблуждение свидетеля или потерпевшего [2] и по которым в распоряжении следователя имеются соответствующие доказательства. В дальнейшем, если предъявление доказательств окажется эффективным, имеет смысл продолжить допрос. Не исключено, что начавшийся

у свидетеля процесс припоминания будет полным и распространится также и на остальные обстоятельства преступления, воспринятые свидетелем.

Обычно для устранения добросовестного заблуждения бывает достаточным предъявить одно какое-то вещественное доказательство. Вместе с тем замечено, что предъявление нескольких доказательств повышает вероятность и точность припоминания забытого добросовестно заблуждающимся свидетелем. Поэтому целесообразно по возможности использовать взаимосвязанную совокупность доказательств, относящихся к забытым допрашиваемым обстоятельствам преступления.

Доказательства должны предъявляться только тогда, когда следователь всесторонне выяснит рассматриваемый факт и когда несоответствие между показаниями добросовестно заблуждающегося свидетеля (потерпевшего) и материалами дела не будет устранено в ходе свободного рассказа допрашиваемого и после постановки следователем уточняющих и иных вопросов. Естественно, что при устранении указанных расхождений во время свободного рассказа или при ответах допрашиваемого на вопросы следователя надобность в предъявлении доказательств отпадает.

Результативность восстановления ассоциативных связей значительно увеличивается и соответственно повышается достоверность показаний в случаях, когда следователь одновременно использует для припоминания не одну, а несколько из имеющихся у него для этого возможностей (рассмотрение смежных обстоятельств и постановка вопросов, способствующих возникновению ассоциаций, допрос на месте происшествия, предъявление доказательств, производство с этой целью очной ставки). Причем здесь возможны различные сочетания. Например, использование при допросе не одного, а нескольких доказательств, рассмотрение на допросе смежных обстоятельств с предъявлением вещественного доказательства или документа, проведение очной ставки с представлением добросовестно заблуждающемуся лицу доказательств и т. п.

Проиллюстрируем сказанное удачными действиями следователя, которому при допросе свидетеля Кулагина было необходимо точно установить время встреч обвиняемого Александра Гусева и потерпевшей Ларисы

Петровой. Поскольку при первом допросе свидетель заявил, что он не может назвать некоторые важные для дела даты, возникла необходимость проведения повторного его допроса, на котором предстояло оказать допрашиваемому помощь в припоминании забытого. Тщательно продумав предстоящий допрос, следователь решил детализировать его предмет, связав его с рассмотрением определенных обстоятельств, призванных активизировать ассоциации. Используя результаты первого допроса, следователь затребовал ряд справок, которые предполагал представить допрашиваемому. Эти справки, с одной стороны, должны были подтвердить показания Кулагина, с другой — способствовать процессу воспоминания забытого.

Вопрос. Скажите, свидетель, когда появилась Лариса Петрова на квартире Гусевых после ее выписки из больницы.

Ответ. Как я уже говорил на первом моем допросе, это было вечером около 20 час., но какого числа, 10 — 11 июня, я никак не могу вспомнить.

Вопрос. Не могли ли бы вы восстановить в памяти какие-либо обстоятельства из вашей жизни, относящиеся к этому или последующему дню, дату которых можно было бы установить?

Ответ. По-моему, на следующий день после появления на квартире Гусевых Ларисы Петровой утром я сдавал в школе рабочей молодежи экзамен по химии, а во второй половине дня ездил на завод получать зарплату. Причем зарплату выдают два дня — 12 и 13. Значит, это могло быть в один из этих дней. Какого числа я сдавал химию, сейчас не помню, но тоже в один из этих дней.

Вопрос. Вам предъявляется справка № 53 от 17 октября 1977 г. из школы рабочей молодежи о том, что вы сдавали экзамен по химии 12 июня с. г. в первую смену с 9. 00 до 11. 30 и получили оценку «хорошо». Что вы можете пояснить по этому поводу?

Ответ. Ознакомившись с содержанием представленной мне справки, я вспомнил, что действительно сдавал экзамен по химии 12 июня.

Вопрос. Вам предъявляется справка за № 1375 от 15 октября 1977 г. из отдела кадров механического завода, из которой явствует, что вы работали в сборочном цехе по профессии слесаря-сборщика с 12 марта 1977 г.

по 18 августа 1977 г. и получили зарплату в сумме 54 р. 27 к. 12 июня с. г. Каково ваше мнение по этому вопросу?

Ответ. После того, как я познакомился с содержанием справки из отдела кадров механического завода, подтверждаю получение зарплаты около 14 час. 12 июня с. г. После получения зарплаты я еще обращался к бухгалтеру Антоновой с просьбой проверить правильность удержания налога. Бухгалтер выразила недовольство моей просьбой и сказала, что я работаю на заводе «без году неделя», а уже заявляю претензии (бухгалтер Антонова в дальнейшем была допрошена в качестве свидетеля и подтвердила показания Кулагина). Поскольку я сдавал экзамен по химии и получил зарплату 12 июня, а Лариса пришла к Гусевым днем раньше, то можно прийти к выводу, что я видел ее у них на квартире около 20 час. 11 июня с. г.

Вопрос. Что вы делали 12 июня с. г. после получения зарплаты и видели ли вы в тот день Гусева Александра и Ларису Петрову?

Ответ. После получки, около 16 час., я вернулся во двор и сидел там с ребятами, в числе которых находился младший брат Александра Гусева — Виктор. Помню, что через некоторое время я очень захотел пить и сказал об этом Виктору. Он пригласил меня зайти к ним. Когда мы зашли к Гусевым, то ни его брата, ни Ларисы дома не было. Я еще спросил у Виктора, где его брат, так как должен был Саше 20 руб. и собирался их отдать. Виктор сказал, что он куда-то уехал с Ларисой. Тогда я отдал 20 руб. Виктору, попросив его передать деньги старшему брату, как только тот вернется, и мы снова вышли на улицу (в дальнейшем при допросе Виктор Гусев подтвердил показания Кулагина). Во дворе я был недолго, так как меня позвала мать, отругала, что две ночи не был дома (ночевал у Гусевых), и больше на улицу не выпустила.

Вопрос. На прошлом допросе вы сообщили, что встречались еще раз в эти дни с Гусевым Александром и Ларисой Петровой и ходили с ними на утренний сеанс кинокомедии «Воздушные приключения» в кинотеатр «Пламя», однако не могли точно назвать дату. Что вы можете сейчас сказать по этому поводу?

Ответ. Сейчас я могу с уверенностью назвать дату этой встречи — утро 13 июня с. г.

Вопрос. На чем основана ваша уверенность? Почему на первом допросе вы не сказали ничего о 13 числе, а, напротив, говорили предположительно о 15 июня, а сегодня так уверены, что смотрели кинофильм именно 13 июня?

Ответ. Возвратившись после допроса домой, я стал листать свою старую записную книжку, надеясь найти в ней телефон одного из друзей, и наткнулся на запись о том, что вечером 13 июня должен позвонить своему знакомому — Кротову Геннадию и получить с него долг — 10 руб. Тогда я вспомнил, что звонил Кротову после просмотра кинофильма, договорился с ним о встрече в 17 час. на углу ул. Мира, около газетного киоска; он пришел и отдал мне деньги. Записная книжка при мне, и я передаю следователю листок на букву «К» с записью «Кротов Гена, тел. 5-34-09. 13 июня получить 10 руб.» для приобщения к протоколу допроса [3] (свидетель Кротов при допросе подтвердил достоверность приведенных выше показаний).

Вопрос. Расскажите, при каких обстоятельствах утром 13 июня с. г. вы встретились с Гусевым и Петровой, о чем говорили, что делали, где и когда расстались?

Ответ. Около 10 час. 13 июня с. г. я подошел к кинотеатру «Пламя», собираясь посмотреть первым сеансом кинокомедию «Воздушные приключения». Около касс я встретил Сашу и Ларису, которые также хотели посмотреть этот фильм. Мы взяли вместе билеты и вошли в зал. По дороге Гусев сказал мне, что брат вчера вечером отдал переданные мною 20 руб. Содержание дальнейшего разговора я уже не помню, но речь шла о каких-то обычных вещах, возможно, о хорошей погоде. Вскоре начался фильм, состоящий из двух серий, который закончился около 13 час. или даже в 13 час. с минутами (по этому вопросу к делу приобщена справка из кинотеатра). По окончании фильма я проводил своих друзей к остановке «Кинотеатр» трамвая маршрута 7. При мне они сели в трамвай и поехали в сторону пляжа. По дороге был разговор, что в такую погоду хорошо купаться. Меня с собой они не приглашали. Лариса была одета в белые брюки, красноватого цвета батник, длинную цветастую с полосами кофту она несла в руках. Гусев, кажется, был в джинсах голубоватого цвета и светлой рубашке с закатанными по локоть рукавами. В руках у него была спортивная сумка желтого цвета с

какой-то надписью, на которую я не обратил внимания. Расстались мы около 13 час. 30 мин., и я пошел звонить по телефону Кротову. Больше я Ларису не видел, а с Гусевым встречался лишь мельком.

Приведенный выше фрагмент из допроса свидетеля Кулагина характерен не только тактически грамотными действиями следователя по восстановлению ассоциативных связей и припоминанию забытых дат встреч с обвиняемым и потерпевшей, но и примечателен также использованием практически всех возможностей по проверке показаний свидетеля и собиранию доказательств (истребование справок, допросы свидетелей), подтверждающих их правильность. Таким путем создается система взаимосвязанных доказательств, что особенно бывает важно при допросе подозреваемых и обвиняемых.

IV. Предъявление доказательств с целью получения от допрашиваемого развернутых показаний, относящихся к обстоятельствам расследуемого уголовного дела

В отличие от предыдущих глав, в которых рассматривались тактические особенности использования доказательств как для разоблачения ложных показаний, так и для устранения добросовестного заблуждения, в данной главе речь пойдет о предъявлении доказательств с целью получения всесторонних и полных показаний от правдивых лиц, в целом воспринявших и хорошо запомнивших интересующие следователя обстоятельства. В этих случаях предъявление доказательств преследует иную цель: оно направлено на конкретизацию и детализацию показаний допрашиваемого применительно к предъявленным доказательствам и связанным с ними обстоятельствам расследуемого дела.

1. Конкретизация показаний допрашиваемого в связи с обстоятельствами дела, связанными с предъявляемыми доказательствами

Специфика деятельности следователя при допросе заключается в том, что ему приходится ставить перед

допрашиваемым вопросы, ориентирующие последнего на дачу показаний, относящихся к расследуемому делу, в пределах осведомленности этого лица. Как известно, следователь вначале должен сформулировать перед допрашиваемым в общем виде вопрос, определяющий предмет допроса конкретного лица. В ходе следственного действия перед ним ставятся различные по своему характеру вопросы, направленные на получение полных, всесторонних и объективных показаний.

Для установления истины по делу необходимо достижение адекватного взаимопонимания между допрашивающим и допрашиваемым, которое не только обеспечивается однозначным пониманием содержания устной речи, но и требует строгой ориентации допрашиваемого на дачу показаний об индивидуально-определенных событиях, фактах, обстоятельствах, объектах и лицах. Легко себе представить ту путаницу и дезорганизацию, которая будет внесена в ведение расследования, если, скажем, два свидетеля на один и тот же вопрос следователя о действиях подозреваемого в определенное время и в конкретном месте дадут показания о различных лицах. Поэтому, чтобы быть уверенным в том, что допрашиваемый дает показания о лице, объекте или обстоятельстве, интересующем следствие, при допросе целесообразно использовать доказательства, позволяющие конкретизировать показания применительно к обстоятельствам расследуемого дела, связанным с предъявленным доказательством.

Предъявление доказательств — наиболее надежный способ конкретизации показаний в связи с определенными обстоятельствами расследуемого дела. Напротив, нерациональным и менее надежным способом может явиться описание следователем в вопросе к допрашиваемому наиболее существенных признаков и примет определенного лица или объекта, о котором предстоит получить показания от допрашиваемого. Однако словесное описание по своей яркости и полноте значительно уступает ознакомлению с объектом в натуре (равно как и с фотографией, рисунком, схемой и т. д.) [1]. Другой распространенный недостаток описания признаков объекта в вопросе относится к сложности нейтрализации внушающего воздействия со стороны следователя на допрашиваемого, когда полностью не удается избежать наводящего характера вопросов. В силу указанных причин

предъявление доказательств как эффективное средство конкретизации показаний получило значительное распространение в следственной практике.

Наиболее часто для конкретизации показаний предъявляются вещественные доказательства и особенно документы. Закон (ст. 69 УПК) упоминает протоколы следственных и судебных действий, а также иные документы. Приложениями к протоколам, входящими в качестве составных частей, могут быть: фотоснимки, киноленты, фонограммы, планы и схемы. В качестве приложений к протоколам закон (ст. 141 УПК) рассматривает также оттиски и слепки следов. Однако эти объекты не могут рассматриваться как разновидность документов, поскольку они имеют иную природу отображения доказательственной информации [2].

Иные документы составляются: а) по требованию или поручению органов расследования или суда и содержат данные об обстоятельствах, имеющих значение для дела (характеристики, акты ревизий, справки и т. п.); б) в связи с совершенным правонарушением представителями администрации, контрольно-ревизионных органов, общественности (например, акт контрольной закупки); в) вне связи с уголовным делом (приказы, инструкции, письма, дневники, инвентаризационные ведомости, различные записи и т. д.), однако по своему содержанию они также могут иметь доказательственное значение. Причем под иными документами понимаются как письменные документы, так и графические — схемы, планы, рисунки, фотографии и т. д. [3].

Доказательственное значение имеют документы, обладающие совокупностью следующих признаков:

а) они содержат сведения, носитель которых известен и которые могут быть проверены;

б) сведения удостоверяются или излагаются органами или лицами, от которых документ исходит, в пределах их должностной компетенции или, если документ исходит от гражданина, в пределах его фактической осведомленности;

в) соблюден установленный законом порядок приобщения документа к делу;

г) фиксируемые в документе сведения о фактах и обстоятельствах имеют значение для данного дела [4].

Характер профессиональной деятельности, например бухгалтеров, водителей транспортных средств, контро-

леров ОТК, слесарей, фрезеровщиков и т. д., обычно бывает связан с выполнением однородных или схожих трудовых операций, в частности с оформлением однотипных бухгалтерских документов, с движением по одному маршруту, с изготовлением одинаковых деталей. При выполнении однородной работы бывает сложно ориентировать допрашиваемого на дачу показаний, относящихся к событиям определенного трудового дня. Причем трудность заключается не в том, что допрашиваемый забыл определенные обстоятельства. Напротив, эти события содержатся в его памяти. Просто при выполнении однородной работы допрашиваемый иногда затрудняется связать конкретную дату с происходившими в этот день событиями, представляющими интерес для следствия.

Индивидуализировать события определенного дня помогает предъявление допрашиваемому различных документов и вещественных доказательств, ориентирующих на дачу показаний, относящихся к работе допрашиваемого в определенное время. В этом отношении характерен допрос в качестве свидетеля шофера Кульпицкого, который давал показания о событиях, имевших место несколько месяцев тому назад в районе следования маршрутного автобуса Смоленск — Кардымово. Первоначально свидетель не мог сказать ничего определенного об интересующих следствие обстоятельствах, поскольку не мог уяснить, события какого конкретного рабочего дня интересуют следователя. Положение существенно изменилось, когда следователь предъявил допрашиваемому путевой лист № 4732 за 10 декабря.

Ознакомившись с путевым листом, Кульпицкий пояснил, что 10 декабря он работал на автобусе № 14-68 на маршруте Кардымово — Смоленск, хорошо помнит, что это было в воскресенье, так как в автобусе ехали знакомые охотники, которые обычно возвращались в этот день с охоты. Автобус выехал из поселка Кардымово в 16 час. Метели еще не было. Она началась приблизительно через 20—30 мин. По дороге на остановках пассажиров садилось мало. Гражданин, одетый в кирзовые сапоги, военный бушлат защитного цвета и военную зимнюю шапку-ушанку, в автобус не садился. Проезжая между деревней Синьково и пос. Гидеоновка, обратил внимание на то, что граждан, идущих по дороге, нет. Хотя внимательно следил за дорогой, ни пьяного

на дороге, ни темной телогрейки на снегу не видел. Автобус был новый, технически исправный, снегоочистители работали хорошо. Фары даже в метель давали видимость до 150 м. Скорость в метель была небольшая — 25—30 км. В Смоленск к автовокзалу из-за метели прибыл с опозданием в 17 час. 30 мин. Поскольку метель усилилась, в Кардымово в этот день больше не ездил. Автобус был переведен диспетчером на обслуживание внутригородских линий.

Обращает на себя внимание, что Кульпицкий допрашивался не по реквизитам и обстоятельствам оформления путевого листа, хотя некоторые данные были использованы им в процессе дачи показаний (время убытия автобуса из Кардымово и прибытия в Смоленск, прекращение работы на линии из-за сильной пурги). Главные же сведения, интересующие следствие о том, что свидетель наблюдал на дороге при следовании из Кардымово в Смоленск, были лишь сопутствующими обстоятельствами по отношению к содержанию предъявленного документа, который помог конкретизировать показания. Поскольку путевой лист имел доказательственное значение, он был приобщен к уголовному делу.

Как уже отмечалось, особую группу среди документов занимают протоколы следственных действий. Изучение практики показало, что наиболее часто из них для конкретизации показаний применительно к определенным обстоятельствам дела используются протоколы допросов, осмотра места происшествия и приложения к ним.

С целью конкретизации показаний при допросе могут быть предъявлены прежние показания как самого допрашиваемого, так и других проходящих по делу лиц. Обычно это делается в тех случаях, когда какие-то обстоятельства дела не получили полного и всестороннего освещения в показаниях и когда предполагается, что они должны быть известны допрашиваемому. В частности, если подозреваемый сообщил следователю на предыдущем допросе, что непосредственно после совершения преступления неподалеку от места происшествия он встретил своего знакомого и разговаривал с ним, но ничего не сказал о содержании разговора, то целесообразно, сославшись на эти показания, предложить подозреваемому дополнить их, пояснив, где произошла эта встреча, как долго и о чем они разговаривали,

не задал ли последний ему вопросов, связанных с необычным видом подозреваемого (порванной одеждой, наличием синяков и ссадин на лице), и т. д.

Круг обстоятельств, необходимость конкретизации которых может возникнуть при производстве допросов, весьма разнообразен. Прежде всего это те из них, которые относятся к предмету доказывания по уголовному делу. В ряде случаев бывает целесообразно конкретизировать в показаниях промежуточные и вспомогательные факты, способствующие установлению обстоятельств, составляющих предмет доказывания [5]

При предъявлении протоколов осмотра места происшествия и приложений к ним (прежде всего планов, схем, фотографий) преследуется цель конкретизации показаний применительно к определенным обстоятельствам расследуемого преступления, а также обстановке места происшествия, следам преступления и вещественным доказательствам, а равно иным обстоятельствам, имеющим значение для дела (ст. 178 УПК).

Показательны в этом отношении действия следователя по делу об изнасиловании и убийстве несовершеннолетней Д. Преступление было совершено на заболоченном пустыре размером 800×1500 кв. м. На нем находилось более 100 земляных бугров различных размеров и формы, между которыми местность была покрыта водой глубиной до 25—30 см. На буграх и между ними росли молодые деревья и кустарник. При осмотре места происшествия для удобства ориентации была изготовлена фотопанорама пустыря с видом на него сверху, на которой было показано место нахождения трупа и следы преступления.

По делу возникла необходимость допросить ряд свидетелей, находившихся вечером 30 апреля, когда было совершено преступление, на пустыре, с целью установления лица, виновного в изнасиловании и убийстве Д. В связи с особенностями пустыря (значительная протяженность, однообразие рельефа) дача показаний свидетелями и протоколирование этих показаний представляли известную сложность. Поэтому были изготовлены дубликаты фотопанорамы, которые предъявлялись свидетелям для указания пути их следования по пустырю и обозначения мест, где они видели кого-либо из граждан. Затем фотопанорамы приобщались в качестве приложений к соответствующим протоколам допроса.

Указанные действия следователя привели к успеху. Несовершеннолетний свидетель Прохоров сообщил, что 30 апреля, около 21 час., находясь на пустыре со своим ровесником Матвеевым, видел, как из кустов вышел незнакомый ему парень 20—22 лет в закатанных до колен брюках. Место, где он видел парня, и направление его движения были обозначены на фотопанораме и описаны в протоколе его допроса. Аналогичным образом был допрошен и Матвеев.

В дальнейшем, когда Сорокин был задержан и сознался в совершении расследуемого преступления, ему в ходе допроса было предложено обозначить на фотопанораме пустыря стрелками путь его следования, а места, где он напал на девочку, изнасиловал и убил, а также видел играющих на пустыре двух подростков обозначить цифрами. Отмеченное им место изнасилования и убийства потерпевшей совпало с местом обнаружения трупа Д., а место, с которого он видел игравших на пустыре мальчиков, совпало с тем местом, где несовершеннолетние Прохоров и Матвеев видели выходившего из кустов парня в закатанных до колен брюках. В данном случае конкретизация показаний с помощью предъявления фотопанорамы привела к получению дополнительных доказательств виновности Сорокина.

В целях ориентации допрашиваемого в отношении фактов, интересующих следствие, и конкретизации его показаний в связи с определенными обстоятельствами расследуемого дела нередко успешно используются также и вещественные доказательства. Так, при расследовании одного из дел об умышленном убийстве, сопровождавшегося расчленением, в реке был выловлен чемодан, в котором находилась часть трупа. На внутренней стороне крышки чемодана хорошо сохранился рисунок окуня, выполненный на листе плотной бумаги за который была выставлена оценка четыре. Рисунок имел индивидуальные особенности. Можно предположить, что он выполнен учащимся школы или членом изокружка. Следователь решил установить автора рисунка, чтобы выяснить, как этот рисунок попал на крышку чемодана, и выявить преступника. С этой целью в ходе допросов ряда свидетелей — учащихся, членов и руководителей кружков изобразительного творчества, преподавателей рисования и т. д.— им предъявлялся

указанный рисунок и ставился вопрос, видели ли они его раньше и кем он выполнен. Проведенная работа помогла установить автора рисунка [6].

2. Детализация показаний допрашиваемого применительно к предъявленным доказательствам

Другой задачей предъявления доказательств для получения от допрашиваемого развернутых показаний является детализация показаний применительно к представленным объектам. В отличие от конкретизации показаний, когда предъявляемые доказательства выступают в качестве своеобразного ориентира интересующих следствие обстоятельств расследуемого дела, в рассматриваемых случаях они служат предметом допроса. Иными словами, если в первом случае допрос производится по сопутствующим обстоятельствам, то во втором — акцент допроса переносится на предъявленные документы и вещественные доказательства.

Однако разграничение ситуаций ориентации допрашиваемого о фактах, интересующих следствие, и детализации его показаний в отношении предъявленных ему документов и вещественных доказательств иногда вызывает трудности. В ряде случаев предъявление доказательств одновременно преследует ряд целей: и сориентировать допрашиваемого относительно предмета допроса, и детализировать его показания, а также иногда содействует воспоминанию забытых деталей. Такое комплексное решение ряда задач способствует достижению полноты, всесторонности и объективности допроса.

Как показало изучение, с целью детализации показаний допрашиваемого обычно предъявляются вещественные доказательства и главным образом различные документы, прежде всего бухгалтерские. Многие из опрошенных следователей подчеркивали важность использования бухгалтерской документации при расследовании дел о хищениях и должностных преступлениях как необходимого условия получения полных и достоверных показаний. Вот один из характерных ответов: «Расследуя хозяйственные дела, я всегда тщательно изучаю бухгалтерскую документацию. Хотя я люблю заниматься с документами, помощь ревизора бывает очень полезна как при изучении документов, так и

непосредственно при подготовке к допросу обвиняемых. Обычно я стремлюсь детализировать допрос по хозяйственным делам, допрашиваю обвиняемого по конкретным операциям и по отдельным документам. Я заметил, что расхитители как раз не любят этого. Они стараются дать показания общего характера, где их бывает сложнее уличить. Полезен допрос по конкретным бухгалтерским документам и свидетелей, поскольку он способствует конкретизации и детализации их показаний».

При предъявлении отдельных бухгалтерских документов главное внимание на допросе обычно уделяется их оформлению, наличию и правильности отдельных реквизитов, а также выяснению вопросов, относящихся к использованию документа. Так, при расследовании уголовного дела по обвинению кассира кассы взаимопомощи Ильиной в хищении денежных сумм, которое скрывалось фальсификацией документации, при допросах свидетелей — членов кассы взаимопомощи им предъявлялись ведомости инвентаризации членских взносов и долгосрочных ссуд, ведомости сверки расчетов с членами кассы взаимопомощи и другие документы. Свидетели допрашивались как по поводу реквизитов документов, так и в связи с правильностью отраженных в документах бухгалтерских операций. Поясним сказанное фрагментом из допроса свидетеля Кузьминой.

Вопрос. Вам предъявляется ведомость сверки расчетов с членами кассы взаимопомощи за № 157 от 1 августа 1978 г в которой под порядковым номером 89 значится ваша фамилия, указана задолженность в сумме 60 руб. и имеется ваша подпись. Что вы можете пояснить по этому вопросу?

Ответ. Ознакомившись с предъявленной мне ведомостью сверки расчетов с членами кассы взаимопомощи № 157 от 1 августа 1978 г., заявляю, что я выбыла из кассы еще в 1976 году и со мною тогда был произведен Ильиной полный расчет. Имевшаяся у меня задолженность в сумме 60 руб. была погашена за счет накоплений, и я получила тогда на руки что-то около 50 руб. Поэтому запись в ведомости от 1 августа 1978 г. фиктивная и роспись против моей фамилии выполнена не мной, а другим неизвестным мне лицом [7]. Как видите в протоколе допроса, я расписываюсь совсем по-другому.

Особое значение при допросе свидетелей и обвиняемых приобретает комплексное использование несколь-

ких документов, относящихся к совершению хозяйственных и должностных преступлений. Обычно при этом удается детализировать показания буквально по всем подложным или фальсифицированным документам, проанализировать во взаимосвязи подделку документов и проведение незаконной хозяйственной операции, вскрыть механизм, выявить конкретные способы совершения и сокрытия преступления. Причем предъявление документов для детализации и конкретизации показаний предполагает добросовестность допрашиваемых, достоверность имеющихся у них сведений и наличие желания содействовать установлению истины по расследуемому уголовному делу.

Не исключаются отдельные случаи, когда в силу различных причин предъявление конкретным лицам определенных документов будет преждевременным или окажется нежелательным вообще. Однако эти соображения не исключают возможности их использования при допросе других лиц и, следовательно, не влияют на общий подход к целесообразности предъявления всей совокупности документов для конкретизации и детализации показаний допрашиваемого.

Указанные действия следователя, как правило, позволяют ему получить взаимосвязанную и неопровержимую систему доказательств, основой которой будут являться бухгалтерские и иные документы, а также связанные с ними показания. Изучение дел о хозяйственных и должностных преступлениях с очевидностью показывает, что последовательное осуществление принципа всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела обычно достигается лишь там и тогда, где и когда при допросах свидетелей и обвиняемых используются все документы, относящиеся к незаконным хозяйственным операциям.

Однако если необходимость предъявления допрашиваемым с целью детализации их показаний различных документов обычно не вызывает у следователей никаких сомнений, то по вопросу о целесообразности использования на допросах черновых записей, заметок, самоучетов материально-ответственных лиц, работников бухгалтерий, плановых отделов, а также отделов сбыта и снабжения и т. п. такое единодушие нередко отсутствует. Вместе с тем черновые записи, заметки и самоучеты относятся к иным документам, и при наличии указанных

выше признаков, относящихся ко всякому документу [8], имеют доказательственное значение по делу.

Следственная практика располагает большим числом примеров успешного использования различных черновых записей при допросе материально-ответственных лиц. Вот один из них. Некто Никонова работала заведующей филиалом продовольственного магазина. Получая в магазине различные продовольственные товары, она реализовывала их покупателям за наличный расчет и отчитывалась перед бухгалтерией магазина деньгами и стеклотарой. Никоновой была допущена значительная недостача товарно-материальных ценностей, образовавшаяся как в результате хищения, так и вследствие халатности.

При обыске у Никоновой были найдены различные черновые записи, свидетельствующие о том, что она в нарушение установленных правил торговли систематически выдавала покупателям продукты в долг с последующим погашением ими задолженности. Приводимый ниже фрагмент из допроса Никоновой наглядно показывает, каким образом использовались следователем при допросе изъятые черновые записи и как этот тактический прием способствовал детализации показаний Никоновой, которая к этому времени уже признала себя виновной в преступлении и давала правдивые показания.

Вопрос. Вам предъявляется изъятая у вас при обыске в магазине ученическая тетрадь в линейку, указанная в протоколе обыска под № 2, с записями фамилий и цифр, которая начинается с фамилии Дроздова — 1,48 и заканчивается фамилией Кочергина — 3,36 (фамилии расположены не в алфавитном порядке и не пронумерованы). Что это за тетрадь, в связи с чем были сделаны в ней эти записи? Что они обозначают и почему некоторые фамилии зачеркнуты?

Ответ. Записи в предъявляемой мне тетради относятся к прошлому году. В ней указаны лица, которым я давала продукты в долг, обычно на небольшие суммы — до 5—6 руб. Это те покупатели, которые обычно возвращали мне деньги, после чего я их вычеркивала из списка. Пятнадцать фамилий из списка не было зачеркнуто на общую сумму 38 р. 47 к. Здесь два возможных объяснения: или деньги мне не возвращены полностью, или кто-то из покупателей все-таки возвра-

тил мне деньги, но я позабыла вычеркнуть. Поэтому я не могу назвать определенную сумму задолженности со стороны покупателей, но допускаю, что она меньше 38 р. 47 к.

Вопрос. Вам предъявляются изъятые при обыске два листа бумаги под № 6 и № 7 с записями фамилий и цифр. Поясните, что это за записи?

Ответ. На листах бумаги под № 6 и № 7 отмечены списки должников, которым я давала папиросы в последний инвентаризационный период (с мая по ноябрь прошлого года). Преимущественно это мужчины, которые брали у меня без очереди в долг табачные изделия и спички и рассчитывались со мной после зарплаты. Из общего числа (44 человека) не зачеркнуто 23 фамилии. Все ли из них отдали мне долг, я не помню, но ручаюсь, что Богдан, Смирнов, Розенберг, Тишин уплатили. Они всегда были аккуратны в расчетах и долги возвращали своевременно. Об остальных должниках ничего не могу вам сказать — не помню.

Вопрос. Вам предъявляется изъятый у вас при обыске бланк почтовой открытки с записями на оборотной стороне: 8 строчек столбиком с итогом 6962—60 и товар на складе — 4400, указанный в протоколе обыска под № 5. Объясните, что это за записи и к чему относятся указанные цифры?

Ответ. На обороте бланка открытки мною проставлены суммы самоучета, проведенного в апреле прошлого года: восемь строчек столбцом — итоги по страницам, а нижняя — 6962—60 — общий итог наличия у меня в магазине товарно-материальных ценностей Сумма 4400 руб.— это недостача, обнаруженная при самоучете. Чтобы не компрометировать себя, акт самоучета я уничтожила, а итоги переписала на открытку и оставила у себя в столе, намереваясь постепенно перекрыть недостачу. Причем недостачу я указала умышленно как товар на складе.

Вопрос. В заборных листах за последний межинвентаризационный период в графе расхода указано, что вы якобы сдали в сырный отдел магазина 13 августа прошлого года масло на сумму 91 руб. Вместе с тем на листе бумаги в клетку под № 8, изъятом при обыске, имеется запись цифр в столбик с итогом 91 руб. Нет ли здесь чего-то общего? Кому и по какой причине вы сдавали масло на указанную сумму?

Ответ. На предъявленном мне листке записана итоговая сумма стоимости стеклотары — 91 руб. Эту стеклотару 13 августа я отвезла в магазин, но по какой-то причине тарный пункт не работал. Тару я выгрузила в магазине, и ее стоимость — 91 руб. была списана с меня по заборному листу в расход. Почему она была оформлена как возврат масла, мне неизвестно. Точно помню, что ни в сырный, ни в другие отделы магазина я никогда никаких товаров не возвращала.

Изучение практики вместе с тем показало, что, несмотря на очевидную эффективность рассматриваемого тактического приема, предъявление документов на допросах с целью детализации показаний используется далеко не во всех необходимых случаях.

V. Тактика использования доказательств на очной ставке

1. Разоблачение на очной ставке ложных показаний одного из участников следственного действия

Проведение очных ставок, особенно с участием подозреваемых и обвиняемых, заинтересованных в благоприятном для них исходе дела, обычно бывает связано с определенным риском наступления нежелательных для установления истины последствий. Подозреваемые и обвиняемые могут попытаться склонить добросовестных участников к даче выгодных для себя показаний. Производство очных ставок связано с ознакомлением участников с определенными материалами дела, к тому же недостаточно подкрепленная другими доказательствами позиция правдивого участника может убедить недобросовестное лицо в целесообразности дачи ложных показаний в дальнейшем. Указанные доводы, а также сложность производства очной ставки в конфликтной обстановке допроса ее участников на практике привели к такому положению, что следователи в большинстве случаев стали использовать очную ставку как последнее из средств устранения существенных противоречий в показаниях. Обычно проводят очную ставку лишь тогда, когда были использованы и оказались безрезультатными иные возможности установления истины по спор-

ным обстоятельствам дела, в частности допросы подозреваемых, обвиняемых и лжесвидетелей с предъявлением им доказательств или воспроизведением звукозаписи показаний правдивых лиц.

Большинство опрошенных следователей предпочитают предъявлять доказательства исключительно на допросе, чтобы не осложнять производство очной ставки. В принципе такой подход правомерен. Однако в исключение из общего правила предпочтительнее использовать доказательства не на допросе, а при производстве очной ставки при наличии следующих условий:

1) когда показания правдивого участника достаточно широки по своему содержанию и охватывают все событие преступления или все существенные его обстоятельства;

2) когда в распоряжении следователя находится совокупность доказательств, подтверждающих основные положения показаний правдивого участника;

3) когда у следователя есть уверенность, что правдивый участник в силу своих высоких морально-волевых качеств и соответствующих черт характера займет при проведении следственного действия активную наступательную позицию, направленную на разоблачение ложных показаний.

В психологическом плане устранение существенных противоречий будет более действенно на очной ставке, поскольку аргументы в пользу того или иного положения выдвигает не следователь, а правдивый допрашиваемый. Этим используется положительный в плане установления истины дополнительный психологический фактор — эффект участия в следственном действии добросовестного лица. Воздейственность показаний правдивого участника существенно усиливается предъявлением совокупности подтверждающих его показания и изобличающих недобросовестное лицо доказательств.

Поэтому, не оспаривая правильности позиции большинства опрошенных следователей, предпочитающих предъявлять доказательства на допросе недобросовестных лиц, в то же время нельзя согласиться с излишней категоричностью их суждений, зачастую исключающих саму возможность предъявления доказательств при производстве очных ставок. При изучении пришлось встретиться с недостатками, обусловленными недооценкой возможности использования доказательств на оч-

ных ставках, направленных на изобличение лиц, совер шивших преступление и дающих ложные показания Эти недостатки двоякого рода. Во-первых, когда следователи при наличии лиц, дающих ложные показания, не предъявляли их ни на допросах, ни на очных ставках. Во-вторых, когда было целесообразно использовать доказательства на очной ставке (наличие названных выше трех условий), а следователи безуспешно предъявляли их при допросах.

Вместе с тем, несмотря на определение общего подхода к использованию доказательств на допросах и очных ставках с целью разоблачения ложных показаний, уместно еще раз подчеркнуть, что решение вопроса о выборе конкретного способа реализации имеющихся в деле доказательств для изобличения недобросовестного лица принадлежит следователю и определяется его тактическими соображениями. Такой подход к решению рассматриваемого вопроса — единственно правильный, поскольку заранее невозможно учесть всего многообразия различных факторов, определяющих следственную ситуацию, специфичную для каждого уголовного дела на определенный момент его расследования.

Однако в следственной практике встречаются ситуации, когда целесообразность предъявления доказательств на очной ставке не вызывает сомнений. Например, по делу об убийстве имеется единственный свидетель-очевидец и отдельные доказательства, подтверждающие его показания. С учетом преступной опытности подозреваемого и ярко выраженной установки на дачу ложных показаний предъявление ему отдельных разрозненных доказательств на допросе представляется бесперспективным. Предвидя, что сами по себе показания свидетеля-очевидца на очной ставке могут не изменить негативной позиции подозреваемого, хотя должны подготовить благоприятную психологическую обстановку для использования доказательств, следователю необходимо заранее предусмотреть возможность и тактику предъявления доказательств. При этом целесообразно чтобы по каждому обстоятельству, вынесенному на очную ставку, показания правдивого участника подкреплялись бы предъявляемыми в ходе следственного действия доказательствами.

Поскольку очная ставка — разновидность допроса, в тактике этих следственных действий имеется немало

общего. В частности, при проведении допросов и очных ставок, направленных на разоблачение ложных показаний, могут применяться одинаковые тактические приемы, изложенные в главе II пособия, применительно к допросу недобросовестных лиц, дающих ложные показания. Здесь же целесообразно остановиться на тактических особенностях использования доказательств при производстве очных ставок, направленных на устранение существенных противоречий, которые были вызваны дачей ложных показаний одним из участников следственного действия.

В рассматриваемом аспекте могут быть выделены следующие особенности реализации доказательств на очной ставке, проводимой с целью разоблачения ложных показаний:

1) предпочтительнее использовать непосредственное предъявление (демонстрацию) имеющихся у следователя доказательств, оказывающих более сильное психологическое воздействие на недобросовестного участника, чем опосредствованные формы реализации доказательств;

2) поскольку очная ставка обычно является завершающим следственным действием, направленным на изобличение лица, дающего ложные показания, на ней должна предъявляться вся совокупность имеющихся у следователя доказательств;

3) целесообразно на очной ставке в первую очередь рассматривать те обстоятельства, из числа вызвавших существенные расхождения в показаниях, по которым следователь располагает доказательствами;

4) в отличие от допроса, на котором может быть избран различный порядок использования доказательств, при производстве очной ставки для разоблачения ложных показаний доказательства обычно предъявляются строго в зависимости от их значения — от менее веских к более значимым;

5) согласно п. 3 ст. 163 УПК, оглашение показаний участников очной ставки, содержащихся в протоколах предыдущих допросов, а также воспроизведение звукозаписи этих показаний допускается лишь после дачи ими показаний на очной ставке и записи их в протокол, поэтому должен быть установлен следующий поэтапный порядок разрешения существенных противоречий. По первому из них допрашивается сначала правдивый, а за

ним недобросовестный участники. Если последний не откажется от ложных показаний, то после выяснения возникших у допрашиваемых вопросов друг к другу и фиксации показаний в протоколе используются имеющиеся у следователя доказательства. Они предъявляются недобросовестному лицу, которому предлагается дать показания по поводу установленных доказательствами фактов, опровергающих ложные показания допрашиваемого. После протоколирования вопросов, связанных с предъявлением доказательств, и ответов недобросовестного участника следователь переходит к рассмотрению второго из обстоятельств, вызвавших существенные противоречия в показаниях.

Представляется уместным еще раз подчеркнуть исходное тактическое правило: не следует проявлять поспешности с предъявлением доказательств как на допросе, так и при производстве очной ставки, поскольку всякое преждевременное ознакомление подозреваемых, обвиняемых и лжесвидетелей с собранными следствием данными в принципе нежелательно. Нередко заинтересованные лица сами пытаются выяснить степень осведомленности следователя, с тем чтобы не проговориться в отношении неизвестных допрашивающему фактов. Поэтому на очной ставке сначала необходимо попытаться полностью использовать возможности установления истины по спорным обстоятельствам с помощью показаний правдивого участника и, только исчерпав эту возможность, перейти к предъявлению доказательств.

Как на допросе, при производстве очных ставок с целью разоблачения ложных показаний следователь должен стремиться к использованию фактора внезапности предъявления доказательств. Недобросовестные участники до момента предъявления доказательств по возможности не должны знать о наличии в распоряжении следователя уличающих их доказательств. Если же в ходе расследования возникнет необходимость коснуться вопроса о доказательствах, которые следователь в дальнейшем собирается использовать на очной ставке, то имеет смысл поставить вопрос в общей форме, не акцентируя внимания допрашиваемого на их индивидуальных признаках.

Примером удачного использования доказательств на очной ставке могут служить квалифицированные действия следователя по делу по обвинению Акаемова

в умышленном убийстве гр-на Сырова. На момент проведения очной ставки подозреваемый не только не признавал себя виновным в совершении преступления, но и упорно отрицал ряд обстоятельств, непосредственно предшествовавших убийству, в частности выдвинул алиби. В распоряжении следователя имелись показания свидетеля Максутова, лично знакомого с подозреваемым и потерпевшим и наблюдавшего ссору между ними, в ходе которой Акаемов нанес Сырову смертельное ножевое ранение. Следователь располагал также отдельными доказательствами, подтверждавшими основные положения показаний свидетеля-очевидца. Причем характер этих доказательств был таков, что вместе с показаниями Максутова они представляли собой систему доказательств, изобличающих Акаемова в убийстве.

Решающим звеном в системе доказательств были показания Максутова, которые как бы цементировали остальные доказательства. Учитывая это, а также предвидя сильное психологическое воздействие показаний Максутова на подозреваемого, следователь решил провести очную ставку, в процессе которой предполагал усилить показания свидетеля-очевидца предъявлением имевшихся доказательств. Указанный план был реализован следующим образом.

Вопрос свидетелю. Расскажите, Максутов, когда, где и при каких обстоятельствах вы видели последний раз Акаемова и Сырова?

Ответ свидетеля. Это было вечером 22 июля с. г., около 22 час. В городском парке неподалеку от летнего кинотеатра, где демонстрировался кинофильм «Усатый нянь», я ожидал в заранее обусловленном месте знакомую девушку — Котову Ларису, которую собирался после киносеанса проводить домой, и сидел на скамейке в 10—12 м от входа в кинотеатр слева, со стороны спортплощадки. По моим представлениям до окончания киносеанса оставалось 30—40 мин. В это время из кинотеатра вышли знакомые мне Акаемов и Сыров. У входа хорошее освещение, и я их отчетливо видел. Мирно беседуя, они пошли в направлении спортплощадки. В руке у Акаемова был какой-то сверток. Поскольку я ждал девушку, я их не окликнул, а они меня, видимо, не заметили.

Вопрос к подозреваемому. Были ли вы вечером

22 июля в летнем кинотеатре и выходили ли из него вместе с Сыровым около 22 час.?

Ответ подозреваемого. Показания свидетеля Максутова не подтверждаю. Вечером 22 июля я был в летнем кинотеатре, расположенном в городском парке, и смотрел кинокомедию «Усатый нянь». Но ни один, ни вместе с Сыровым из кинотеатра во время демонстрации фильма не выходил и вообще в это время ни Сырова, ни Максутова не видел.

Вопрос к подозреваемому. Вам оглашаются показания свидетеля Петровой — контролера летнего кинотеатра, из которых явствует, что она видела, как вы вечером 22 июля во время сеанса выходили с неизвестным ей парнем и затем возвратились в кинозал уже один примерно через 20 мин. и сели с краю в четвертом ряду. Что вы можете пояснить по поводу этих показаний?

Ответ подозреваемого. Здесь какая-то ошибка, так как я из кинозала ни один, ни с Сыровым в этот вечер не выходил.

Вопрос к свидетелю. Расскажите, что произошло между Сыровым и Акаемовым вечером 22 июля в городском парке в дальнейшем?

Ответ свидетеля. Они прошли мимо спортивной площадки, сели на траву у старого дуба примерно в 20 м от меня и стали выпивать. Ночь была светлая, и я отчетливо видел их. Сначала между ними велась мирная беседа, затем они заспорили. Нетрудно было догадаться, что между Акаемовым и Сыровым возникла ссора с взаимными претензиями и угрозами. Содержание их спора я не разобрал, поскольку мешал звук кинофильма. Однако я увидел, как в руке у Акаемова что-то блеснуло, по-видимому, лезвие ножа. Мне известно, что у Акаемова был самодельный нож типа финки, который он обычно носил с собой. Поэтому я предположил, что в руке у Акаемова был нож. Этим предметом он ударил Сырова в грудь сверху вниз, когда они оба стояли друг против друга...

Вопрос подозреваемому. Подтверждаете ли вы показания свидетеля о нанесении вами около 22 час. 22 июля с. г. в городском парке, в районе спортивной площадки, под старым дубом ножевого ранения Сырову? Чем были вызваны эти действия с вашей стороны?

Ответ подозреваемого. Я этих действий не совершал и вообще не был с Сыровым у старого дуба около 22 час. 22 июля с. г. До начала киносеанса я распивал с Сыро-

вым спиртное в этом районе, но ссоры у нас не было, и мы с ним мирно разошлись. У Сырова вздорный характер, он легко мог к кому-нибудь придраться, начать драку и его могли пырнуть ножом.

Вопрос подозреваемому. Вам оглашается протокол осмотра места происшествия, в котором указывается, что около старого дуба был обнаружен самодельный нож с наборной рукояткой, к лезвию которого пристал слой пыли, пропитанный темно-бурой жидкостью, похожей на кровь. Что вы можете сказать об этом?

Ответ подозреваемого. Я не знаю, какое это имеет отношение ко мне.

Вопрос свидетелю. Вам предъявлялся для опознания нож, обнаруженный при осмотре места происшествия. Что вы заявили при опознании?

Ответ свидетеля. Я опознал этот нож, как принадлежащий Акаемову, так как не раз видел его у Акаемова и хорошо знаю его приметы. Ошибиться я не мог — это был его нож.

Вопрос подозреваемому. Как очутился принадлежащий вам нож под старым дубом, где было совершено убийство?

Ответ подозреваемого. Вижу, нет смысла дальше скрывать правду. Сырова убил я. Максутов дает правильные показания.

Рассматриваемый случай предъявления доказательств с целью изобличения лица, совершившего преступление и упорно скрывавшего истину, весьма характерен как предпосылками использования доказательств, так и тактикой предъявления доказательств на очной ставке. Разрозненный характер имевшихся у следователя доказательств в сочетании с твердой установкой Акаемова на сокрытие истины не позволяли надеяться на успех предъявления доказательств при допросе. В то же время само по себе проведение очной ставки со свидетелем-очевидцем оставляло у Акаемова шанс опорочить его показания выдвижением алиби и ссылкой, что Максутов мог из-за дальности расстояния и недостаточного освещения ошибиться в оценке личности преступника. Предъявление доказательств на очной ставке усилило позицию Максутова, позволило выдвинуть дополнительные аргументы виновности подозреваемого. Акаемов запутался во лжи, понял, что он изобличен и его дальнейшее запирательство может лишь усугубить его ответственность.

Вместе с тем изученная практика производства очных ставок свидетельствует о высокой результативности этого следственного действия при условии учета данных, характеризующих взаимоотношения и психологические особенности участников следственного действия, тщательной подготовки, творческого подхода к их проведению, использования выработанных передовой следственной практикой и рекомендованных криминалистикой тактических приемов, прежде всего предъявления доказательств. Причем в ряде случаев на очных ставках удается не только подтвердить показания правдивого участника, но и получить от подозреваемого (обвиняемого) правдивые показания, выходящие за рамки информированности о преступлении добросовестного лица.

Вот один из таких примеров. Некто Пятков, находясь в нетрезвом состоянии, между 20 час. 30 мин. и 21 час. в Барановском переулке совершил разбойное нападение на потерпевшего Олексеенко, отобрал у него деньги и вещи, а затем, встретив потерпевшего минут через 30 в Школьном переулке, убил его. Подозреваемый вначале отрицал свою виновность, но под влиянием собранных по делу доказательств, удачно использованных следователем при его допросах, вынужден был признать себя виновным в убийстве. При этом он ссылался на то, что действовал в состоянии необходимой обороны.

Разбойное нападение на потерпевшего, предшествовавшее убийству Олексеенко, подозреваемый вообще отрицал. Как выяснилось позже, побудительными мотивами к этому были, с одной стороны, нежелание нести ответственность за второе преступление и, с другой — стыд за свои действия. Подозреваемый совершил разбойное нападение на пожилого, слабосильного, бедно одетого мужчину, у которого отобрал мешок с инструментом, записную книжку, ключи, дешевую авторучку и четыре рубля денег с мелочью, которые на следующий день пропил.

Следователь к этому времени уже располагал определенными доказательствами, подтверждающими совершение Пятковым разбойного нападения. Так, допросами родственников и сослуживцев Олексеенко было точно установлено, какие вещи и какая сумма денег находились у потерпевшего. Осмотром места происшес-

твия и трупа было выяснено, что деньги и некоторые вещи отсутствуют. При осмотре места происшествия обнаружили втоптанную в снег записную книжку, в которой потерпевший имел обыкновение хранить бумажные деньги, а также ключи. Напрашивался вывод, что преступник рылся в карманах потерпевшего, забрал деньги и нужные ему вещи и выбросил то, что для него не представляло никакой ценности. Проверялась и была исключена версия о возможности совершения разбойного нападения на Олексеенко не подозреваемым, а другим лицом.

Наконец, имелись показания свидетеля Козловой — соседки Пяткова, хорошо знавшей подозреваемого. Козлова между 20 час. 30 мин. и 21 час. шла по улице и видела, как Пятков вместе с пожилым мужчиной (предположительно потерпевшим) зашел в Барановский переулок, где позже совершил на него разбойное нападение. Свидетеля Козлову заинтересовало, что могло быть общего между молодым Пятковым и таким пожилым мужчиной. Поэтому она возвратилась, но, увидев их в Барановском переулке мирно беседующими, поспешила по своим делам.

Перед следователем стояла сложная задача наиболее эффективно использовать имевшиеся у него и не представлявшие собой системы отдельные разрозненные доказательства, с тем чтобы побудить Пяткова к даче правдивых показаний о встрече с потерпевшим в Барановском переулке и о совершении там на Олексеенко разбойного нападения. Эти два взаимосвязанных обстоятельства Пятков упорно отрицал. К тому же следователь не мог не учитывать характерные особенности личности подозреваемого, который исключительно изощренно защищался: ссылался на ложное алиби, оговаривал в совершении преступления невиновных, беспрестанно выдвигал лживые версии, опровержение которых требовало значительных усилий и времени. Будучи уличен во лжи, Пятков тут же выдумал новую версию.

Обоснованно предполагая, что использование имевшихся разрозненных доказательств при допросе не окажет на Пяткова должного воздействия, а лишь приведет к его ознакомлению с имеющимися в деле данными, следователь решил реализовать доказательства на очной ставке между свидетелем Козловой и подозревае-

мым. При этом предполагалось, что очная ставка создаст благоприятствующую предъявлению доказательств атмосферу. Процессуальным основанием для производства очной ставки были противоречия в показаниях свидетеля Козловой и подозреваемого Пяткова. Свидетель утверждала, что видела подозреваемого с потерпевшим между 20 час. 30 мин. и 21 час. в Барановском переулке. Подозреваемый настаивал, что впервые встретил Олексеенко около 21 час. 20 мин. в Школьном переулке, где и убил его. До этого потерпевшего он нигде не встречал и, следовательно, не совершал на него разбойного нападения. При производстве очной ставки следователь решил использовать фактор внезапности. Поскольку Пятков категорически отрицал встречу с потерпевшим до их столкновения в Школьном переулке, было бессмысленно называть ему место встречи — Барановский переулок и сообщать о показаниях свидетеля Козловой. Поэтому вопрос о первой встрече с потерпевшим за несколько минут до убийства ставился перед Пятковым в общей форме, без детализации. Производство очной ставки было решено на несколько дней отсрочить, с тем чтобы у подозреваемого сложилось мнение, что эпизод не расследован. Указанные мероприятия создавали необходимые психологические предпосылки для успешного использования показаний Козловой на очной ставке с Пятковым.

Вместе с тем важно было так организовать проведение очной ставки, чтобы показания Козловой были даны в лаконичной форме, полностью не раскрывали пределы ее осведомленности и не давали бы Пяткову времени на обдумывание сложившейся ситуации, на выдвижение новых ложных объяснений. Поэтому вопрос к Козловой относился лишь к тому, что она видела вечером 21 февраля в Барановском переулке. Свидетель показала, что между 20 час. 30 мин. и 21 час. она шла из дома по ул. Некрасова в гости. Впереди нее был сосед Пятков Юрий. Навстречу ему попался пожилой мужчина, с которым они свернули в Барановский переулок. Свидетель прошла дальше. Однако ее заинтересовало, что могло быть общего между молодым Пятковым и этим мужчиной. Тогда она возвратилась и увидела их в Барановском переулке.

Далее показания свидетеля были прерваны, поскольку Козлова сказала все, что знала. Детали же следова-

теля не интересовали. К тому же допрашивающий видел то сильное впечатление, которое произвели на подозреваемого показания свидетеля. Нельзя было упускать этот благоприятный момент. Тут же последовал вопрос к Пяткову: «Что вы можете показать?»

Форма вопроса была единственно правильной. Если бы вопрос не был сформулирован в общем виде, а был конкретным, например что Пятков может сказать о показаниях свидетеля, подозреваемый скорее всего ограничил бы свои показания теми сведениями, о которых сообщила Козлова. Здесь же получилось иначе. Поскольку в сознании Пяткова встреча с Олексеенко в Барановском переулке была связана с совершенным им разбойным нападением на потерпевшего и эти два события — встреча и преступление — изолированно им не воспринимались, подозреваемый неосознанно распространил осведомленность Козловой и на обстоятельства разбойного нападения.

Очная ставка подготовила Пяткова к признанию, однако он в силу особенностей своего характера все еще продолжал колебаться. Необходимо было найти дополнительный аргумент для признания. Им могли послужить имевшиеся у следователя доказательства. В то же время прямая их демонстрация — непосредственное предъявление — с учетом предыдущего поведения Пяткова на следствии была нежелательна, ибо доказательства носили характер косвенных улик его виновности. Следователь избрал опосредствованный путь их использования — ссылок на их наличие. Он сообщил Пяткову о том, что следствием установлено наличие у потерпевшего перед совершением на него разбойного нападения конкретных вещей, в том числе записной книжки, в которой находились четыре рубля рублевыми купюрами. После совершения на Олексеенко разбойного нападения денег и вещей при нем не оказалось. Они были отобраны при разбойном нападении, о чем свидетельствуют обнаруженные при осмотре места происшествия втоптанные в снег записная книжка и ключи, принадлежавшие потерпевшему. При личном обыске у подозреваемого была обнаружена ученическая шариковая ручка бело-голубой расцветки, аналогичная той, которая находилась у Олексеенко. Приведенные следователем аргументы, основанные на наличии соответствующих доказательств, возымели свое

действие — Пятков рассказал об обстоятельствах совершенного им на Олексеенко разбойного нападения, показал, куда он выбросил мешок с инструментами, отобранный у потерпевшего, а также назвал свидетелей, которым он сообщил о совершенных преступлениях.

Данный пример не характерен для изобличения виновных в совершении преступления лиц на очной ставке, ибо обычно с этой целью предъявляется совокупность доказательств. В данном случае действия следователя были обусловлены объемом и характером имевшейся у него доказательственной информации. В сложившейся по делу Пяткова тактической ситуации это был наиболее рациональный путь реализации отдельных доказательств, имевших характер косвенных улик.

Представим себе, что при расследовании дела Пяткова следователю удалось бы обнаружить при личном обыске у подозреваемого записную книжку, опознанную родственниками потерпевшего как принадлежавшую и находившуюся у Олексеенко перед смертью, а также найти свидетелей, которым Пятков рассказал об ограблении потерпевшего, сообщил, что нашел в записной книжке четыре рубля и что вино, которое они распили, было куплено на эти деньги. Наличие таких важных прямых доказательств позволило бы следователю изменить тактику их использования. Например, если бы Пятков не подтвердил показаний Козловой или, признав встречу с Олексеенко, продолжал бы отрицать разбойное нападение на него, следователь должен был бы предъявить подозреваемому записную книжку потерпевшего, а затем показания свидетелей, которым он показывал эту книжку и рассказывал о совершенном преступлении. Следственной практикой неоднократно подтверждено, что такой путь реализации совокупности веских доказательств наиболее действен и преимущественно должен использоваться при изобличении подозреваемых, обвиняемых и лжесвидетелей, дающих ложные показания.

2. Устранение на очной ставке существенных противоречий, вызванных добросовестным заблуждением одного из допрашиваемых

Для устранения добросовестного заблуждения, вызванного забыванием определенных обстоятельств и ошибочной интерпретацией их в показаниях как на допросах, так и при производстве очных ставок [1], могут использоваться различные доказательства, способствующие оживлению ассоциаций. Изучение практики показало, что в большинстве случаев следователям удается устранить заблуждение на допросах, не прибегая к очным ставкам. Поэтому очные ставки для устранения противоречий вследствие добросовестного заблуждения проводятся значительно реже, чем с целью разоблачения ложных показаний (один случай на десять очных ставок).

Вместе с тем не всегда допрос, сопровождающийся воспроизведением фонограмм или предъявлением других доказательств, оказывается результативным и завершается устранением добросовестного заблуждения допрашиваемого. Если обусловленные забыванием противоречия в показаниях оказываются существенными, то возникает необходимость и в производстве очной ставки. Причем можно привести немало случаев, когда проведенная после допроса очная ставка приводит к получению достоверных показаний от ранее добросовестно заблуждавшегося лица и, следовательно, к преодолению существенных противоречий.

Встречаются также ситуации, когда для устранения добросовестного заблуждения предпочтительнее использовать доказательства не на допросе, а в ходе очной ставки. Это бывает в тех случаях, когда следователь имеет основания предполагать, что само по себе предъявление доказательств может не оживить ассоциации и что припоминание забытого может наступить лишь при сочетании предъявления доказательств и связанных с этими доказательствами показаний второго участника очной ставки. Предъявленные доказательства помогают дающему достоверные показания участнику обратить внимание в его показаниях на такие признаки документов или вещественных доказательств или указать на такие обстоятельства, которые способство-

вали бы восстановлению ассоциативных связей у добросовестно заблуждающегося лица. На очной ставке функцию оживления ассоциаций одновременно и во взаимосвязи выполняют и предъявленные доказательства, и показания второго участника, что значительно повышает вероятность устранения добросовестного заблуждения.

Необходимо подчеркнуть, что сама очная ставка и без предъявления доказательств и рассмотрения на ней связанных с представленными доказательствами обстоятельств в силу непосредственного воспроизведения показаний одного участника в присутствии другого потенциально заключает в себе возможность восполнения пробелов в памяти добросовестно заблуждающегося лица. Она дает возможность заново восстановить и переосмыслить вынесенные на рассмотрение участников вопросы, относящиеся к существенным противоречиям в показаниях. Активную помощь в этом добросовестно заблуждающемуся лицу оказывает второй участник следственного действия, являющийся очевидцем исследуемых событий и знающий такие их детали, которые помогают припомнить забытое и устранить противоречия в показаниях. Отмеченный фактор нередко отсутствует при оглашении протоколов или воспроизведении фонограмм допроса. Однако проведение очной ставки противопоказано, если добросовестно заблуждающееся лицо обладает повышенной внушаемостью. Ибо оно может подтвердить на очной ставке определенные обстоятельства в показаниях второго участника не потому, что припомнило их, а в силу своей особой внушаемости.

Велика роль в преодолении добросовестного заблуждения на очной ставке и самого следователя. Он предварительно продумывает и выносит на очную ставку такие вопросы, которые активизируют у добросовестно заблуждающегося лица ассоциативные связи. С той же целью ставит перед участниками вопросы, относящиеся не только к существенным противоречиям в показаниях, но и по взаимосвязанным с ними смежным обстоятельствам. Рассмотрение пограничных вопросов и смежных обстоятельств также способствует оживлению ассоциаций.

Проведение очной ставки между правдивыми участниками, один из которых в силу своего заблуждения

дает ошибочные показания, предполагает представление им более широких возможностей обсуждения существенных противоречий, чем это имеет место при производстве очной ставки для разоблачения лжи. Участники очной ставки, бывшие очевидцы определенного события, лучше следователя ориентируются в его деталях и поэтому в ходе следственного действия могут коснуться таких обстоятельств, которые неизвестны следователю, но имеют решающее значение для припоминания забытого и установления истины. Практике известен случай, когда исход очной ставки был предрешен приведением второй участницей реплики добросовестно заблуждающейся потерпевшей о внешности хулигана. Естественно, следователь услышал эту реплику впервые, так как о ней не упоминалось на предшествующих очной ставке допросах. Эта деталь неожиданно для него появилась на очной ставке, когда желая оказать помощь в припоминании забытого, вторая участница стала конкретизировать свои показания и привела характерную фразу: «Помнишь, Рита, когда он (один из хулиганов) отошел, ты еще сказала мне, что с такой рожей, а знакомиться лезет!» [2].

Думается, что если бы следователь избрал в тот раз иную тактику проведения очной ставки, например разбил бы тему следственного действия на ряд вопросов, не допустил бы общения между допрашиваемыми при обсуждении деталей происшествия, не ставил перед ними вопросов, относящихся к смежным обстоятельствам, то маловероятно, что ему бы удалось устранить существенные противоречия в показаниях.

Представление на очных ставках, направленных на устранение добросовестного заблуждения, допрашиваемым бóльших возможностей обсуждения обстоятельств, вынесенных на разрешение, основано на предусмотренном ст. 163 УПК праве участников задавать друг другу вопросы. Правдивость участников позволяет надеяться, что следственное действие не будет использовано для согласования показаний допрашиваемых в ущерб установлению истины.

Закон не устанавливает конкретных форм взаимодействия участников очной ставки, но требует, чтобы вопросы допрашиваемых задавались после свободного рассказа и разрешения вопросов следователя. Отсюда, после дачи показаний, следователь вправе предоста-

вить допрашиваемым возможность не только задать вопросы друг другу, но и привести аргументы, подтверждающие правильность одних и ошибочность других объяснений события. Такого рода совместное обсуждение рассматриваемых обстоятельств, непосредственный обмен доводами, исследование отдельных деталей производятся под контролем следователя, который направляет очную ставку на разрешение существенных противоречий в показаниях и обеспечивает процессуальный порядок проведения следственного действия.

Эффективность очных ставок, направленных на преодоление добросовестного заблуждения, заметно возрастает, если в процессе их проведения с целью восстановления ассоциативных связей используются доказательства. Здесь, как и при допросе добросовестно заблуждающихся лиц, могут предъявляться не все доказательства, а только те из них, которые непосредственно связаны с обсуждаемыми на очной ставке обстоятельствами преступления. Поэтому наиболее часто для восполнения пробелов в памяти используются вещественные доказательства и документы. Причем делается это не только тогда, когда на очных ставках исследуются вопросы, прямо относящиеся к предъявленным доказательствам, но и в тех случаях, когда они, по мнению следователя, опосредствованно могут способствовать активизации ассоциаций. Например, когда предъявление документа преследует цель не восстановить в памяти события, относящиеся к его оформлению, а вызвать воспоминание о действиях добросовестно заблуждающегося лица в день составления документа, не имевших прямого отношения к этому доказательству (в частности, выяснить, что допрашиваемый делал до и после подписания накладной).

На практике приходится встречаться с двумя тактическими вариантами использования доказательств при производстве очной ставки с целью преодоления забывания одного из участников. Первый из них своей последовательностью внешне напоминает предъявление доказательств при допросе недобросовестных лиц, дающих ложные показания. На очную ставку выносится определенное обстоятельство, вызвавшее существенные противоречия в показаниях допрашиваемых, всесторонне обсуждается ими с приведением аргументов. Если такое обсуждение окажется безрезультат-

ным, то предъявляется доказательство, имеющее обычно непосредственное отношение к спорному обстоятельству, и оба участника снова допрашиваются по поводу этого доказательства и связанного с ним спорного обстоятельства. Предъявление доказательства в рассматриваемом случае преследует цель содействовать возникновению ассоциаций, воспоминанию забытого и устранению добросовестного заблуждения. Поэтому сходство с ситуацией разоблачения ложных показаний оказывается чисто внешним.

Для второго варианта характерно, что добросовестным участникам очной ставки сразу же предъявляются определенные доказательства и ставятся вопросы по поводу представленных предметов и документов. Затем допрос переносится на спорные обстоятельства, имеющие непосредственное отношение к используемым доказательствам. В этих случаях основная роль в активизации ассоциаций принадлежит предъявленным доказательствам. Такой порядок очной ставки часто используется при предъявлении различных документов.

Так, при расследовании уголовного дела о хищении товарно-материальных ценностей материально-ответственными кладовщиками конторы «Профтехснаба» Волгиной и Бутовой возникла необходимость в производстве между ними очной ставки с целью устранения заблуждения Бутовой по некоторым обстоятельствам совершенного обвиняемыми по предварительному сговору хищения. В частности, существенными были расхождения по вопросу о времени начала хищения. Волгина утверждала, что первые случаи хищения относятся к 1969 году. Бутова считала, что они начали расхищать товарно-материальные ценности в 1970 году. Поскольку Бутова правдиво вела себя на следствии и по собственной инициативе признала ряд неизвестных следствию эпизодов, а также заявила, что точно не помнит, с какого времени они начали заниматься хищением, но полагает, что с 1970 года, у следователя были основания полагать, что обвиняемая заблуждается в этом вопросе [3]. Следователь решил провести очную ставку между обвиняемыми, на которой предъявить документы, относящиеся к 1969 году. Эти документы в сочетании с показаниями Волгиной, по мнению следователя, могли способствовать припоминанию Бутовой времени начала хищения. Товаротранспортные накладные уже предъ-

являлись на допросах Волгиной. Последняя дала по ним развернутые показания, в том числе и об участии в хищении Бутовой.

Ниже приводится фрагмент очной ставки, показывающий, как, используя результаты предъявления накладных, следователю удалось активизировать ассоциации и устранить имевшее место заблуждение Бутовой.

Вопрос к Волгиной. Вам предъявляются товаро-транспортные накладные № 227173 от 12 сентября 1969 г., выписанная на 43-е профтехучилище, № 227901 от 3 апреля 1970 г., выписанная на 38-е профтехучилище, и № 233647 от 1 июня 1970 г., оформленная на 11-е профтехучилище. Расскажите, какие незаконные действия вы совершили по этим накладным?

Ответ Волгиной. По первой накладной я незаконно списала в расход четыре одеяла, которые мы изъяли со склада и поделили с Бутовой поровну. По второй накладной я также незаконно списала пять одеял, которые поделила с Бутовой. Сколько в тот раз взяла одеял Бутова, я не помню, но принцип был такой, что все похищенное мы с ней делили поровну. По третьей накладной было незаконно списано в расход два портфеля, которые мы поделили с Бутовой. Всякое незаконное списание в расход предварительно согласовывалось между нами, так как мы обе были материально-ответственными лицами и зависели друг от друга. Способ хищения был одинаков: сначала товаротранспортные накладные оформлялись правильно, а когда третий экземпляр возвращался на склад, то в него дописывали тот товар, который затем похищали.

Вопрос к Бутовой. Вы подтверждаете показания Волгиной о хищении девяти одеял и двух портфелей по накладным № 227173, № 227901 и № 233647, совершенных в сентябре 1969 года, апреле и июне 1970 года.

Ответ Бутовой. Подтверждаю показания Волгиной о способе хищения, о том, что мы предварительно договаривались между собой о каждом из эпизодов хищения и делили похищенное поровну. Признаю хищение одеял и портфелей в апреле и июне 1970 года. Однако у меня есть сомнения относительно накладной № 227173 от 12 сентября 1969 г., поскольку, как мне помнится, мы начали незаконно списывать товары и похищать их со склада в начале 1970 года. До этого времени мы с Волгиной ничего незаконного не делали.

Вопрос к Волгиной. Что вы можете показать о времени начала хищения? Не могли бы вы сослаться на какие-либо обстоятельства, свидетельствующие о времени начала хищения?

Ответ Волгиной. Бутова ошибается. Мы с ней начали незаконно списывать и похищать различные товары, предназначенные для профессионально-технических училищ с начала 1969 года, а не с 1970 года, как она ошибочно утверждает. К сожалению, я не помню первого эпизода хищения.

Вопрос к Волгиной. Скажите, каким образом вы с Бутовой реализовывали похищенное и на что тратили деньги в 1969 году?

Ответ Волгиной. Обычно я продавала краденое за неполную стоимость на рынке. Деньги тратила на покупку различных вещей: за последние годы приобрела пальто, шубу, несколько платьев и другие вещи. Какие вещи купила в 1969 году, не помню. Бутова продавала вещи или на рынке, или своим знакомым. В 1969 или в 1970 году, точно не помню, она купила мебельный гарнитур. При этом я знаю, что на его покупку ей не хватало 450 или 500 руб., и она вложила эту сумму из денег, вырученных от продажи краденых вещей.

Вопрос к Бутовой. Действительно ли вы докладывали деньги на мебельный гарнитур из сумм, вырученных от реализации похищенных вещей? Когда был куплен вами мебельный гарнитур?

Ответ Бутовой. Да, мне не хватало на покупку импортного мебельного гарнитура около 450 руб., и я собрала эту сумму из денег, вырученных от продажи краденых вещей, главным образом полушерстяных одеял. Гарнитур я приобрела в декабре 1969 года. Это я хорошо запомнила, так как на новогодний праздник ко мне приезжала сестра Нина Николаевна из Минска с семьей, и я была рада показать им новую покупку. Сопоставив эти факты, я пришла к выводу, что мы начали совершать хищения еще в 1969 году. Следовательно, и по накладной № 227173 от 12 сентября 1969 г. мы с Волгиной незаконно списали, а затем похитили четыре одеяла.

Вопрос к Волгиной. Вам предъявляется товаротранспортная накладная за № 230511 от 19 июня 1970 г., выписанная на 18-е профессионально-техническое училище, согласно которой (позиция пятая накладной)

списано 20 м штапельной ткани «Эффект». Расскажите, как вы распорядились этой тканью?

Ответ Волгиной. По накладной за № 230511 мы незаконно списали с Бутовой 20 м ткани, присвоили ее и поделили поровну. Каждой досталось по 10 м.

Вопрос к Бутовой. Подтверждаете ли вы показания Волгиной?

Ответ Бутовой. Осмотрев вышеуказанную накладную, могу сказать, что эту накладную выписывала я. По этой накладной мы незаконно списали в расход 20 м штапельной ткани «Эффект». Однако я не получала от Волгиной никакой ткани и, как она ее реализовала, не знаю.

Вопрос к Волгиной. Что вы можете пояснить по поводу утверждения Бутовой о том, что она не получала от вас ткани? Как было в действительности?

Ответ Волгиной. Выслушав Бутову и еще раз посмотрев накладную за № 230511 от 19 июня 1970 г., я вспомнила, что эта ткань предназначалась для штор на окна и была красивой расцветки: светлый фон с крупными цветами. Я ее разделила на два отреза по 10 м для себя и Бутовой. Из одной половины сделала себе шторы на кухню. Ко мне зашла соседка Шпартюк, ей очень понравились шторы, и она поинтересовалась, где я купила такую удачную ткань. Я не могла ей сказать, что взяла ткань на складе, и не могла послать в магазин, так как не знала, где эту ткань могут продавать и была ли она вообще в то время в продаже. Чтобы избежать расспросов соседки, пришлось сказать, что у меня есть еще ткань на шторы: взяла для сестры, но, если она ей так понравилась, могу уступить. Шпартюк отдала мне за ткань 17 руб. с мелочью. Эти деньги я передала Бутовой, рассказав о случившемся. Так как Бутова не собиралась оставлять ткань себе, она мне претензий не предъявляла, а еще посмеялась, какая, мол, у меня настырная соседка — хуже ОБХСС.

Вопрос к Бутовой. Подтверждаете ли вы показания Волгиной относительно реализации ткани «Эффект»?

Ответ Бутовой. Сейчас я вспомнила эту историю. Дело было именно так, как только что рассказала Волгина. Ткань взяла себе домой Волгина и сделала из нее шторы на кухню. Я у нее их не раз видела, бывая в гостях. Мою же долю ей пришлось продать соседке, деньги

она мне отдала в указанной сумме и рассказала, какой у нее был разговор со Шпартюк. Сегодня на очной ставке, ознакомившись с показаниями Волгиной, я сразу все вспомнила.

Возможности очной ставки, сопровождающейся предъявлением доказательств, по устранению добросовестного заблуждения, обусловленного забыванием каких-то обстоятельств преступления или на этой основе их ошибочной интерпретацией при допросе, в решающей мере зависят от умения следователя использовать оба пути активизации ассоциаций. В этих случаях оживление ассоциаций зависит, с одной стороны, от правильной организации производства очной ставки (определения ее предмета, четкости формулировки вопросов, предоставления участникам оптимальных возможностей обсуждения противоречий в показаниях), с другой — от умелого использования имеющихся у следователя доказательств. Причем эффективное производство очной ставки предполагает одновременное исследование во всех их взаимосвязях соответствующих обстоятельств преступления и предъявленных доказательств.

* *
*

Изучение эффективности производства очных ставок показало неполное использование следователями возможностей этого следственного действия в установлении истины, невысокую результативность очных ставок. Многие из опрошенных следователей считают очную ставку сложным и малоэффективным следственным действием. Зачастую они не используют разработанных в методической литературе тактических рекомендаций, в частности не предъявляют имеющихся в их распоряжении доказательств. Вместе с тем проведенное исследование убедительно свидетельствует о высокой результативности использования доказательств на очной ставке (в 75% от общего количества случаев предъявления) как для разобллачения ложных показаний, так и для устранения добросовестного заблуждения допраши-

ваемого. В устранении отмеченного недостатка содержится значительный резерв повышения эффективности производства рассматриваемого следственного действия.

Примечания

Введение

[1] Об этом исследовании см. подробнее: Соловьев А. Б. Изучение эффективности производства допросов и очных ставок на предварительном следствии (методика и некоторые результаты).— Сб.: Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 28. М., 1978, с. 102—115. Приводимые в настоящей работе данные были получены при проведении указанного исследования.

[2] Комарков В. С. Тактика допроса. Учебное пособие. Харьков, 1975, с. 27—45.

I

[1] Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1964, с. 249.

[2] Предъявление (демонстрация) доказательств предполагает представление допрашиваемому соответствующих доказательств для обозрения, оглашение протоколов следственных действий, заключений экспертиз и иных документов, воспроизведение фонограмм допроса.

[3] Вопрос о целях использования доказательств при допросе специально рассматривается в § 2 данной главы.

[4] Комарков В. С. Указ. работа, с. 34.

[5] В дальнейшем, если специально не оговорено иное, имеются в виду статьи УПК РСФСР.

[6] См.: Александров Г., Ракита Л. Вправе ли следователь на допросе свидетеля оглашать показания других свидетелей?— Соц. законность, 1972, № 4, с. 57—59.

[7] В соответствии со ст. 16 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик под доказательством понимается единство фактических данных и процессуальной формы — процессуального источника этих данных (Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973, с. 197).

[8] Там же, с. 228.

[9] Следует иметь в виду, что указанное предписание закона относится к первому допросу. Если лицо по каким-то обстоятельствам дела допрашивается повторно, то следователь вправе начать допрос по этим обстоятельствам с постановки конкретного вопроса или с предъявления определенного доказательства, сопровождающегося соответствующим вопросом.

[10] Указанная точка зрения, в частности, проводится в монографии Н. И. Порубова (см.: Порубов Н. И. Научные основы допроса на предварительном следствии. Минск, 1978, с. 134).

[11] Комарков В. С. Указ. работа, с. 33.

[12] Селиванов Н. А. Вещественные доказательства. М., 1971, с. 132—133

[13] Эта сторона деятельности следователя, связанная с установлением причины недостоверности показаний, находится за пределами данной работы, рекомендации в которой основаны на предварительном решении указанного вопроса.

[14] Тактические особенности использования доказательств при допросе в зависимости от цели применения этого приема рассмотрены в гл. гл. II, III и IV.

[15] Психологический механизм формирования показаний, как не имеющий прямого отношения к использованию доказательств при допросе, в работе специально не рассматривается.

[16] См. подробнее: Общая психология. М., 1970, с. 258—259.

[17] Применительно к характеристике поведения свидетеля, потерпевшего, подозреваемого и обвиняемого на предварительном следствии под установкой в работе понимается сознательный выбор позиции по делу, оцениваемый по отношению к задачам уголовного судопроизводства. Положительная правдивая установка выражает стремление допрашиваемого способствовать установлению истины по делу, отрицательная негативная установка сопряжена с сокрытием истины, с дачей ложных показаний по делу, с выраженным нежеланием допрашиваемого содействовать следователю в достижении задач уголовного судопроизводства по делу.

[18] Если бы речь шла о содержании протоколов, то их предъявление преследовало бы цели или разоблачения лжи, или устранения добросовестного заблуждения.

II

[1] Незначительные особенности подготовки к предъявлению доказательств для устранения добросовестного заблуждения, а также для получения развернутых показаний от допрашиваемых будут рассмотрены в соответствующих главах работы.

[2] См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 228—229.

[3] Селиванов Н. А. Указ. работа, с. 134.

[4] В данном и последующих примерах фамилии обвиняемых и потерпевших изменены.

[5] Термин «оборонительная доминанта» для объяснения состояния лиц, совершивших преступление, впервые был введен в употребление в судебной психологии А. Р. Ратиновым. По этому вопросу подробнее см.: Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. М., 1967, с. 196—198.

[6] См.: Ратинов А. Р. Указ. работа, с. 199—200.

[7] Комарков В. С. Указ. работа, с. 42.

[8] Там же, с. 39—40.

[9] См.: Карнеева Л. М., Ордынский С. С., Розенблит С. Я. Тактика допроса на предварительном следствии. М., 1958, с. 150—151; Васильев А. Н., Карнеева Л. М. Тактика допроса при расследовании преступлений. М., 1970, с. 134—135; Селиванов Н. А. Указ. работа, с. 135; и др.

[10] Карнеева Л. М., Ордынский С. С., Розенблит С. Я. Указ. работа, с. 143.

[11] Полученные нами данные соответствуют результатам специального исследования лжесвидетельства, проведенного сектором психологических проблем под руководством профессора А. Р. Ратинова. См.: Ратинов А. Р., Адамов Ю. П., Волков В. В. Правовая культура и борьба с лжесвидетельством.— Сб.: Правовая культура и вопросы правового воспитания. М., 1974, с. 142—148.

[12] Поскольку тактика допроса лжесвидетелей не имеет существенных отличий, она специально не рассматривается.

III

[1] Поршнев Б. Ф. Контрсуггестия и психология.— В кн.: История и психология. М., 1971, с. 735.

[2] Несмотря на то что добросовестное заблуждение обычно имеет место у незаинтересованных в исходе дела правдивых свидетелей и потерпевших, рассматриваемое психологическое явление встречается также и у давших правдивые показания подозреваемых и обвиняемых. Поскольку в основе добросовестного заблуждения лежит один психологический механизм и допрашиваемые вне зависимости от процессуального положения правдивы, правомерно использование общих тактических приемов.

[3] В соответствии с п. 2 ст. 70 УПК доказательства могут быть представлены как участниками уголовного судопроизводства, так и любыми гражданами, учреждениями, предприятиями и организациями, о чем на основании ст. 141 УПК должен составляться специальный протокол «представления доказательств».

IV

[1] В рассматриваемых ситуациях такое свойство предъявляемых доказательств, как их наглядность, не преследует целей активизации ассоциаций и припоминания забытого. Используемые доказательства хорошо известны допрашиваемому. Однако он нередко затрудняется выделить из известных ему объектов тот, в связи с которым он допрашивается. Поскольку предъявление доказательств для конкретизации показаний не ориентирует допрашиваемого на дачу определенных показаний и не подсказывает их содержания, рассматриваемый тактический прием не заключает в себе элемента внушения, присущего запрещенным УПК наводящим вопросам.

[2] См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 668.

[3] См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР. М., 1976, с. 143.

[4] См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 667.

[5] О промежуточных и вспомогательных фактах см. подробнее: Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 140—144.

[6] Поскольку рисунок служил средством к обнаружению преступления и выявлению виновного лица, то в соответствии со ст. 83 УПК он приобрел статус вещественного доказательства.

[7] В случаях, когда документы обладают признаками, указанными в ст. 83 УПК, они являются вещественными доказательствами (ст. 88 УПК).

[8] См. § 1 настоящей главы.

V

[1] В соответствии со ст. 162 УПК непременным условием производства очных ставок является наличие существенных противоречий в показаниях, для устранения которых проводится это следственное действие.

[2] См. подробнее: Соловьев А. Б. Очная ставка на предварительном следствии. М., 1970, с. 49—50.

[3] Обычно добросовестное заблуждение встречается у свидетелей и потерпевших, однако в отдельных случаях оно имеет место и у подозреваемых (обвиняемых).

Содержание

Соловьев Александр Борисович

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПРИ ДОПРОСЕ

Библиотечка следователя

Редактор С. Н. Чихалова
Обложка художника В. И. Пантелеева
Художественный редактор Э. П. Батаева
Технический редактор М. В. Гридасова
Корректор М. И. Буланова

ИБ № 991

Сдано в набор 25.09.80.
Подписано в печать 22.12.80.
А-07355. Формат 84×108 1/32.
Бумага типографская № 3.
Гарнитура литературная.
Печать высокая.
Объем: усл. печ. л. 5,46;
учет.-изд. л. 5,42. Тираж 30000 экз.
Заказ № 818. Цена 25 коп.

Издательство «Юридическая литература»
121069, Москва, Г—69, ул. Качалова, д. 14

Ленинградская типография № 2 головное предприятие ордена Трудового Красного Знамени Ленинградского объединения «Техническая книга» им. Евгении Соколовой Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
198052, г. Ленинград, Л—52, Измайловский проспект, 29.

25 коп.

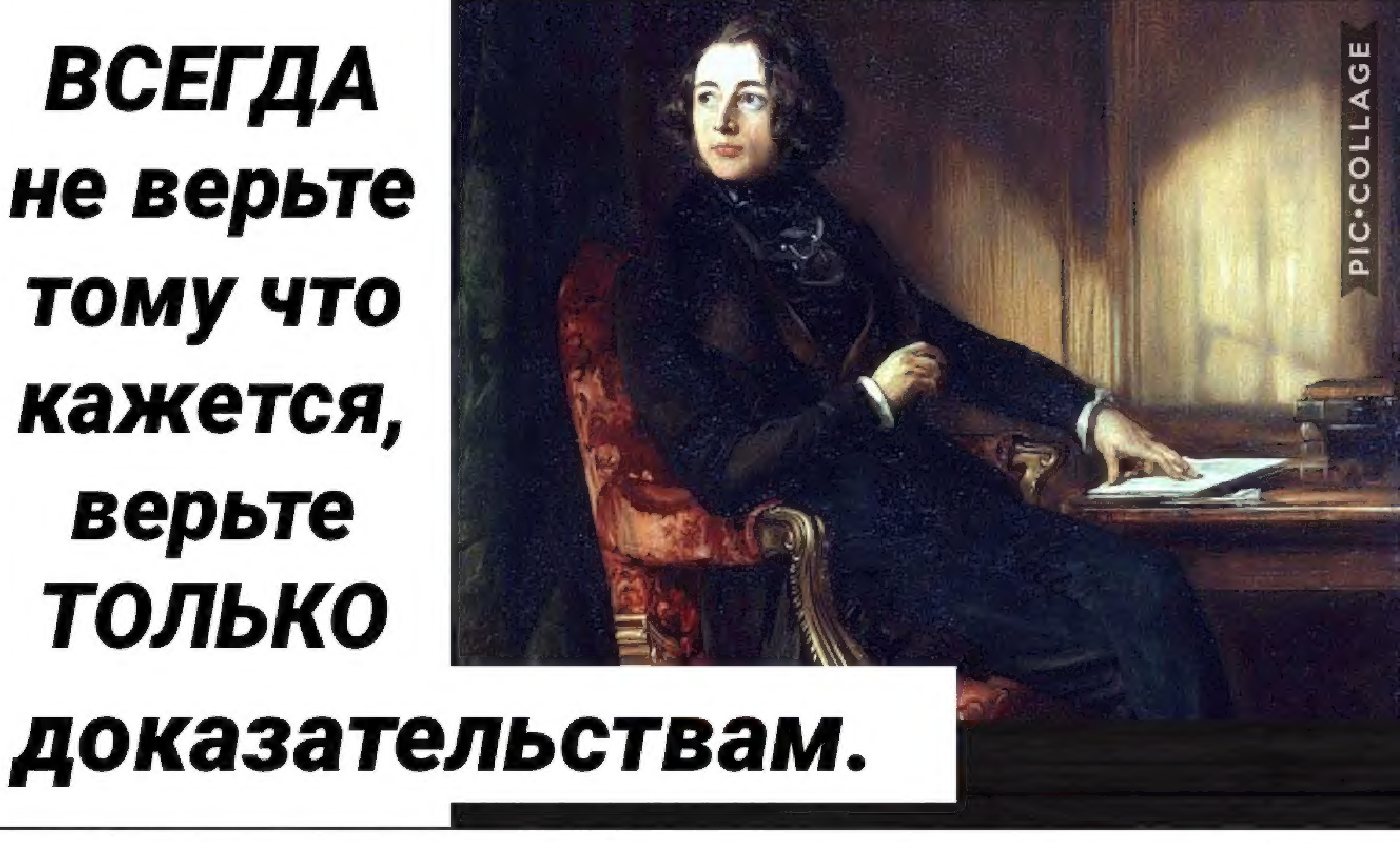
Начиная с 1980 года издательство „Юридическая литература" выпускает серию: „Библиотечка следователя", состоящую из брошюр, посвященных методике расследования уголовных дел, следственной тактике, проведению экспертиз, собиранию и фиксации доказательств, а также вопросам квалификации преступлений. К созданию данной серии привлечены ведущие ученые-юристы, следственные работники органов прокуратуры, МВД, имеющие большой опыт практической работы по расследованию преступлений. В „Библиотечку следователя" входят, в частности, следующие работы:

ВАСИЛЬЕВА А. Н.
Тактика отдельных следственных действий.

РОМАШОВ А. М.
Судебно-бухгалтерская экспертиза.

БИБЛИОТЕЧКА СЛЕДОВАТЕЛЯ

«ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Чарльз Диккенс. «Большие надежды» 1861 г.